

16+

Алина Камалеева

Счастье за дверью

Алина Камалеева
Счастье за дверью

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Камалеева А.

Счастье за дверью / А. Камалеева — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Катя долгие годы сожалеет о своей ошибке, совершённой в юности. Ей кажется, что не будь она тогда такой глупой и упрямой, то и жизнь бы её сложилась совершенно иначе. Она была бы счастлива. Ах, если бы у неё была возможность исправить свою ошибку! Совершенно фантастическим образом, ей предоставляется шанс круто всё изменить. Катерина с головой ныряет в возможные варианты её жизни. Иногда ей нужно просто выжить, чтобы иметь возможность не потерять себя и вернуться обратно. События, в которых ей приходится участвовать, дают ей понять, что и кто на самом деле являются для неё главными в жизни и составляют её личное счастье.

© Камалеева А., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	25
Глава 7	29
Глава 8	35
Глава 9	38
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Глава 1

Вот если бы и в самом деле можно было родиться еще раз, и был бы шанс прожить свою жизнь заново, я бы непременно все сделала по-другому. Я бы многое исправила при этом, избежав повторения, совершенных мною за долгие годы, ошибок. Сумела бы ловко обойти все кочки, о которые я запиналась раз за разом, и неприятности, в которые попадала. Правильно и своевременно делала бы выбор, вовремя принимая верные решения. Получив такую замечательную возможность, я попыталась бы с умом распорядиться данной мне жизнью. К тому же, точно знала бы, исходя из приобретенного мною опыта, что именно мне нужно и правильно, о чем мне не придется жалеть, не краснеть за мои глупые поступки и ошибки, и быть вполне довольной своей жизнью, наслаждаться тем, что у меня есть, а не жалеть об упущенных, когда-то возможностях. А пока что мне это мало удается, хотя я и стараюсь...

Такие мысли в последнее время часто приходят мне в голову. Казалось бы, что мне в моей жизни может не нравиться? Да по сравнению с некоторыми другими женщинами, я просто счастливица! Я, вообще-то, вполне успешна: у меня хорошая интересная работа, которая мне очень нравится, благодаря которой я не нуждаюсь в деньгах, с жильем у меня полный порядок – живу в трехкомнатной собственной квартире в Москве, есть любимая дочь, мама еще вполне здорова, и я совсем не страдаю от отсутствия к себе интереса со стороны мужчин. Но... Я никому не говорю об этом «но». Даже подруге Соне. Хотя считается, что с подругами обычно делятся самым сокровенным. Конечно, если это очень близкие подруги. Соня для меня именно такая – очень близкая. Но даже она не знает, что я не очень довольна своей жизнью. А если бы узнала, то кинулась бы спасать меня, совершая при этом возможные и невозможные деяния. Я берегу нервы своей закадычной подруге, так как знаю, что за долгие годы с тех пор как мы с ней подружились, я стала для нее родным человеком и она для меня – тоже. А разве родным людям хочется доставлять огорчения? Вот то-то и оно. Может, я, как это называется, интроверт? Все держу только в себе, и мне для печальных раздумий вполне хватает и собственного общества? Но нет, я совсем не против вполне активного общения с другими людьми. У меня немало друзей и знакомых, с кем я с удовольствием встречаюсь и приятно провожу свободное время, хотя у меня не так его и много. Тогда не понятно, почему некоторые свои мысли я не доверяю даже моей любимой Соне? Не хочу грузить ее своими проблемами? Ну, хватит! Что там у нас за окном?

За окном у нас июнь и очень жарко. Выходить на улицу и вовсе не хочется, но домой же нужно ехать, в конце концов! Что у меня опять на столе творится! Вечный кавардак, а еще дочь свою ругаю, что она наводит беспорядок на своем письменном столе. Мой стол завален множеством различных папок, документов, эскизов, карандашей, фломастеров, ручек и так далее. Хорошо, что стол большой, хватает места и для компьютера, и для всего остального. Надо бы, конечно, перед тем, как покинуть кабинет, все это аккуратно разложить, убрать на свои места, и вообще, привести рабочее место в порядок, но я так сегодня устала, что абсолютно не хочется ничего сейчас убирать и раскладывать. Хочется все бросить, махнуть на все безобразие рукой и отключиться немного от забот. Пожалуй, я уже и не в состоянии этим сегодня заниматься, ничего, если все приберу завтра с утра. Я успею. Не придет же ко мне комиссия, следящая за порядком на рабочих столах! Хорошо, что таковые не существуют

Секретарше Машеньке наводить порядок на столе у директора, то есть у меня, категорически возбраняется, ибо после чужих рук, даже Машенькиных, я не могу быстро отыскать то, что обычно бывает мне нужно срочно и позарез. Приходится все время дергать Машу. Девушка находит все нужное в пару секунд, но я поставила ей условие, что на своем столе и шкафах в кабинете, хозяйничаю исключительно сама. Вот так вот – сама беспорядок навожу,

сама и разгребаю. Да и Машеньку я уже сегодня отпустила пораньше. И сотрудников своих тоже. Температура на улице зашкаливает за тридцать градусов, что обязывает меня установить укороченный рабочий день. Рабочий день в дизайнерской студии «Гармония» закончился час назад. Я забыла сказать, что наша студия занимается оформлением витрин, а также различных помещений. Планируем еще и ландшафтным дизайном заняться, но это еще только в мечтах.

Сегодня как никогда выдалось много работы: полдня я проехала по заказчикам, затем, догоняя вчерашний день, кинулась работать в офисе, вымоталась совсем, и, вот наконец, решила ехать домой. Сотрудников отпустила, а сама, как обычно, задержалась. Выходить из кабинета с кондиционером на душную улицу не хочется, но что делать? Не ночевать же здесь? Хотя, если признаться, это было бы и не впервой. Случалось, уже не раз, спать прямо здесь на диванчике, когда задерживалась допоздна за срочной работой. Засижусь вот так, пойму, что нет сил ехать домой, и остаюсь до утра. У меня в шкафчике и комплект постельного белья имеется и плед с небольшой подушкой. Сонька меня за это ругает, говорит, что я с таким моим отношением к работе и к жизни вообще, так и состарюсь в своем кабинете в полном одиночестве. Не замечу, как старухой стану. И вообще, она считает, что я подаю плохой пример своей подрастающей дочери. Но ведь дочка нет дома, и сегодня меня никто не ждет, но, если останусь ночевать здесь, то с утра все равно придется ехать домой, чтобы принять душ и переодеться, привести себя в порядок. Вообще, это мое упущение, что в офисе нет душевой кабины. О чем я тогда думала? Как-то не предусмотрели, когда делали ремонт. А как бы было хорошо, имей я возможность принять душ прямо у себя в офисе! Особенно летом, в такую вот жару. Нужно будет этим непременно заняться. Но потом-потом! Я еще немного подумала и решила, что лучше всего будет, если я пересилю себя, поеду и спокойно переночую дома.

Сегодня у меня с утра побаливает голова, видимо вчера простыла на даче у Сони. На выходные я, в кои-то веки, выбралась к ним на природу. К ним – это к Соне и Пете, ее мужу. Да это уже и не дача, а настоящий большой дом со всеми удобствами, где мои друзья проживают почти постоянно, только изредка навещаясь в свою квартиру в Москве. Они давно зазывали меня, но я все никак не могла съездить, все какие-то проблемы решала, или планы другие были. В последний раз я была у них вместе с дочкой еще в начале мая. Помогли тогда Соне с майскими посадками разной рассады и всласть отдохнули с дочкой на природе. В этот раз и суббота, и воскресенье выдалось жаркими, нам вздумалось купаться, хотя вода в пруду, недалеко от Сонечкиной дачи, была не очень теплой. Пруд наполняют водой подземные холодные источники, прошлая неделя была не очень солнечной, поэтому вода не успела хорошо прогреться. Да... Плохая была идея. Не надо было до синих губ купаться. Вечно я, как ребенок, не знаю меры, а еще дочку поучаю, что можно, а что нельзя! Нужно будет в аптеку заскочить, так как не помню, что у меня осталось из лекарств, чтобы остановить развитие простуды. Нечего летом болеть! Ну что, Катерина Семеновна, вставай, поехали домой?

Нужно ехать еще и потому, что у меня появился еще один член семьи Морис – приبلудный котёнок, совершеннейший «дворянин», то есть самый простой беспородный дворовый кот, которого я подобрала однажды вечером во дворе своего дома. Припарковалась тогда, как обычно, во дворе и быстро побежала к своему подъезду, стараясь не попадать своими туфлями-лодочками, в лужи. Шел дождь и под козырьком своего подъезда я увидела маленького тощего грязного котенка, который жался в углу, дрожал и жалобно пронзительно мяукал. Мне стало его жалко, и я унесла котенка домой, не подумав, что с этого момента не смогу вольно распоряжаться своим временем, так как нужно будет помнить о Морисе, который ждал меня дома. Морисом он назвался с легкой подачи дочери, которая полюбила котенка сразу и навсегда. Да и он ей отвечает страстной кошачьей любовью, всюду следуя за девочкой по пятам. Спит только в ее кровати, устраивая концерты, если вдруг дочкина комната оказывается недоступной ему. Ко мне он относится несколько потребительски, видимо думая, что я состою при нем как кормилица. Когда дочери нет дома, Морис сильно по ней скучает. С того дня, как

я принесла его домой, питомец вырос, превратился в красивого здорового серого полосатого котяру, с абсолютно наглой мордой, уверенного в том, что его все любят, лелеют и обожают. И вообще, иногда мне кажется, что он считает, будто это мы с дочкой живем у него, а не он у нас. У этого кота есть уникальная способность моментально проглатывать всю пищу, оставленную ему мною с утра перед уходом на работу. В итоге, большую часть дня ему приходится довольствоваться грустным созерцанием своих пустых мисок.

Да, впрочем, что это я? Совсем голову отключила! Я же кота вчера оставила на даче у Сони. Как я могла такое забыть? Вчера, перед тем как уезжать с дачи, мы с Соней никак не смогли дозваться кота. Он куда-то испарился еще сразу после обеда, и никак не реагировал на все наши призывы. Мы долго его искали на участке, заглядывая под каждый куст и громко обещая ему самые разные вкусности, но он так и не отозвался. Соня успокоила меня тем, что он никуда не денется – нагуляется и вернется. Она предложила оставить кота у них на даче, ведь ему здесь так привольно, а в городе он вынужден сидеть целыми днями один в квартире и ждать, пока придет из школы дочь или я вернусь с работы. Дочки все равно дома нет, я с утра на работе. С подружкой я согласилась и уехала. Сегодня Соня доложила мне по телефону, что гуляка вернулся утром весь в репьях – еле его вычистила, наелся и спокойно спит на веранде. Вот и хорошо, рада за него. Значит, и о коте мне беспокоиться тоже нечего – заберу его в следующий раз. Уже легче.

Пока и Кирки нет в городе, забыла сказать, что Кирой зовут мою дочь почти пятнадцати лет, она, как обычно, укатила на каникулы в деревню к бабушке, моей маме. Она всегда так: стоит только закончиться учебному году, как сразу собирает чемодан и – в деревню. То есть, я ее отвожу к маме и отчиму на все лето. Ни в какие лагеря ехать дочь не соглашается, поэтому отдыхает только у бабушки. Возвращается ребенок в родные пенаты обычно только в самом конце августа. И то только потому, что необходимо идти в школу. Девочка увлеченно возится с животными, собирается учиться на ветеринара. А пока ездит к бабушке, потому что у нее имеется кое-какой комплект животных: козочка, куры, кролики и собака. В соседях есть многочисленные гуси, утки и корова. Дочке есть дело до всех них. Мориса Кира тоже с удовольствием захватила бы с собой, но у моей мамы всегда была на кошек жестокая аллергия. Почему только на кошек – непонятно. Из-за мамы мы с братом в детстве не могли завести в доме котенка, хотя всегда очень мечтали. Теперь кот есть, а когда приезжает в гости мама, ей приходится пить таблетки от аллергии. Морис же гостюет в это время у соседей. Кира его постоянно навещает, чтобы он не скучал, но в деревню с собой взять не может к ее великому огорчению. В итоге, Морис всегда остается со мной в городе. Кира прощается с ним, как будто уходит на войну. Тут и слезы, и сопли. Ко мне они никак не относятся, я даже ревную немного. Кота я вывожу только на дачу к Соне. Откуда у Кирки такая тяга к ветеринарии – не знаю, она говорит, что пошла в дядю Антона, то есть, моего старшего брата. Но Антон-то не ветеринар, а врач. Все равно медицина, и такая же важная, как утверждает моя дочь. Вообще-то я горжусь своим ребенком, она так рано сделала свой выбор, и упорно идет к своей цели. Помнится, что я в ее годы была более беспечной в этом плане, у меня даже мысли не закрадывались в голову на тему, кем я буду, когда вырасту. Нет, закрадывались, конечно, иногда в голову дурацкие мечтания, что я стану известной артисткой, балериной, писательницей и так далее. Но все это у меня было не серьезно. А у нее вон, с класса пятого, все полки забиты книгами и журналами по интересующим ее темам. Я очень скучаю без дочери. Нужно будет в ближайшее время выбраться к ним в деревню, я обещала приехать. Ну, как смогу, так и поеду.

Еще раз, с сожалением оглядев оставляемый мною беспорядок на столе, я махнула на все это дело рукой, выключила компьютер, кондиционер, вышла из кабинета и заперла за собой дверь, пошла по гулкому пустому коридору к выходу. Охранник Николай курил на крыльце. Увидев меня, выходящую из дверей офиса, он широко белозубо улыбнулся:

– Опять засиделись? Что за жизнь такая? Вам бы замуж, Катерина Семеновна. Давно бы убежали домой, а так вся жизнь в кабинете пройдет мимо, а Вы красивая, молодая еще и одна!

Да уж! Распустила я своих работничков! Я сердито глянула на Николая. Захотелось ему нагрубить, сказать, что не его это дело, но я сдержалась. Воспитание не позволило мне резко осадить его, поэтому я просто попрощалась с веселым рыжим парнем, сказав, что непременно об этом подумаю. Впрочем, надо признать, Коля не только не воздержан частенько на язык, но и хорошо знает свое дело, я его ценю. Я, конечно, не молодая, и не так уж красива, если честно, я в свой адрес не заблуждаюсь. Коля мне весьма польстил, хотя, все говорят, что я выгляжу гораздо моложе своих лет. Ну, уж как есть.

Синий «Пежо» радостно откликнулся мне на стоянке, когда я нажала на брелок. Кажется, он даже нетерпеливо вздрогнул, в полной готовности рвануться туда, куда мне вздумается ехать. Машинка тоже застоялась на месте за день. Из-за того, что побаливала голова с утра, по заказчикам меня возил на своей машине мой заместитель. Потом Машенька угостила меня какой-то таблеткой от головной боли, она помогла, но ненадолго. Открыв дверцу машины, я сразу ощутила, как она нагрелась за день – спертый душный воздух пахнул на меня из салона, заставив меня слегка отшатнуться в сторону. Мне стало жалко машину. Я вообще воспринимаю ее за разумное существо – здороваюсь с ней и разговариваю, поглаживаю ее ласково, словно живую коняшку. Смешно? Разве я одна такая? Точно знаю, что так делают многие обладатели железного друга на колесах.

Уже вечерет, но все равно душно. Земля и воздух за день нагрелись так, что и грядущая ночь обещает ту же жаркую духоту. Я посидела немного, включив кондиционер в машине. Голова еще слегка гудела, боль толчками отдавала в виски. Надеюсь, это не помешает мне вести автомобиль? Наконец, я тронула с места. По дороге вспомнила с досадой, что холодильник в квартире опустел, и пора бы прикупить что-нибудь из съестного, пополнить также припасы кошачьего корма для Мориса. Как оказалось, я еще и нешуточно проголодалась – в животе моем урчало, таким образом, он время от времени, ворчливо высказывал ко мне свои глубокие претензии в невнимательном к нему отношении.

Через некоторое время я решила немного свернуть с дороги и заехать в знакомый супермаркет – там все и возьму, в одном месте. В магазине, как раз, и аптечный киоск имеется. Обычно-то я затариваюсь продуктами в выходной день, но эти выходные я провела на даче у Сони, вернулась поздно, никуда по дороге домой не заезжала, поэтому сделаю покупки сегодня. Иначе, в холодильнике меня ожидают лишь дачные Сонечкины дары в виде июньской зелени и редиса, а привезенный мною гостинец в виде румяного шашлыка, я съела еще вчера вечером, добравшись с дороги домой. Нет, не хочу редиску, мне сейчас хочется чего-нибудь более существенного и сытного. А еще и кофе хочу, несмотря на то, что близится ночь.

В торговом зале было приятно прохладно и малоллюдно. Я пробежалась вдоль полок и быстро накидала в тележку нужных продуктов, взяла кошачьего корма. Задумчиво постояла возле касс, рассматривая содержимое своей тележки, и вернулась в отдел кулинарии за готовой пищей – нет сил что-то готовить дома. Довольная тем, что на время проблема с едой у меня решена, я расплатилась на кассе и вышла с двумя объемистыми пакетами на улицу, где меня терпеливо поджидала моя верная машинка, которую ласково зову иногда Пежичкой. Смешно, да?

Погрузив продукты в багажник, я села и захлопнула дверцу машины. Уже совсем было собралась ехать дальше, но вдруг поняла, что в данную минуту мне больше всего хочется не ехать, а посидеть немного на лавочке в парке, откуда я услышала звуки музыки, подходя к автомобилю. Я отворила дверцу машины и прислушалась снова: из парка доносились беззаботные детские голоса и негромкая музыка. Внезапно вспыхнувшее желание об отдыхе в парке, меня слегка удивило, само по себе оно было довольно странным, ибо сидеть в парке я всего минуту назад и вовсе не собиралась. Но желание это было настолько сильным, что я, удивляясь своему

порыву, снова вылезла из машины, заперла ее, бросила ключи в сумочку, перешла дорогу и вошла на территорию парка.

Глава 2

Гуляющего народу в парке было довольно много. В основном это были люди с детьми и пенсионеры, стайки беззаботной молодежи. Я прошла немного, увидела свободную лавочку, уютно устроившуюся в тенечке большого куста отцветшей сирени. С нее только что поднялась и пошла к выходу, толкая детскую коляску с младенцем, молодая женщина. Стараясь успеть, пока место не заняли, я присела на нее. Вглубь парка решила не ходить, вот прямо здесь, недалеко от входа, немного посижу и поеду.

Мимо меня прошли, взявшись за руки, девушка с парнем, другой рукой девушка держала поводок, к которому была пристегнута маленькая, горчичного цвета, забавная собачка. В породах собак я не разбираюсь, как, впрочем, и кошек, но она мне понравилась. Псинка была похожа на забавную плюшевую игрушку. Пробегая мимо меня, собачка коротко мне твякнула, будто поздоровалась. Я засмеялась, вспомнила о Морисе и снова порадовалась за него, что он сейчас не в душной квартире, а на даче. Какое ему там раздолье! Сколько всего интересного! Бабочки, птички, мышки–полевки и ящерицы. Как бы я хотела тоже там очутиться сейчас, а не ехать в пустую безмолвную квартиру. Даже в пруд бы опять полезла, в прохладную водичку. Ах ты, боже мой! Я и в аптечный киоск не заглянула! Ну что за голова у меня! Так и забыла, что хотела лекарства себе купить. Ладно, обойдусь тем, что найду дома. Помнится, в конце мая, перед самыми каникулами, немного приболела Кирка и я покупала ей лекарства. Наверное, осталось еще кое-что в аптечке.

Мимо неторопливо прогуливался народ, пробежали дети, некоторые из них проезжали на самокатах и велосипедах. Маленьких катили в детских колясках. В уши сладко вползали ненавязчивые звуки музыки и гул голосов. Я сама не заметила, как расслабилась и прикрыла глаза. Мне стало так хорошо, так спокойно, что, наверное, я задремала. Очнувшись от того, что почувствовала рядом чье-то присутствие. Приоткрыв глаза, я обнаружила возле себя маленькую аккуратную старушку в белой ажурной шляпке. Она слегка склонилась надо мной.

– Вы не будете возражать, если я присяду рядом на лавочку? Здесь такой восхитительный тенек от сирени. Но простите, мне кажется, я Вас разбудила?

– Нет, что Вы! Я не спала, только прикрыла глаза, – смущенно ответила я и подвинулась. – Садитесь, конечно. Я тоже просто присела немного отдохнуть.

Старушка села, расправила платье, поправила на голове шляпку, устроила на коленях свою сумочку и внимательно поглядела на меня:

– Домой неохота возвращаться?

– Ну почему? – удивилась я. – Вообще нет, – и что это сегодня мне все задают какие–то неудобные вопросы, то Николай, то эта старушка, а я оправдываюсь как дура, – я же сказала, что просто захотелось отдохнуть немного. Скоро поеду.

Старушка понимающе кивнула, щелкнула замочком и раскрыла старенькую сумочку, достала оттуда пакетик с семечками. Возле нашей лавочки тут же материализовались, словно из ниоткуда, штук пять откормленных нахальных голубей. Нервно и возбужденно курлыккая, птицы заходили возле лавочки, с нетерпением поглядывая на нас и нетерпеливо выжидая, когда же старушка уже даст им обещанного корма? Дождавшись, когда она им его наконец насыпала, кинулись подбирать семечки с дорожки. Тут же налетели еще с десятков голубей и стайка воробьев. Воробьи принялись нагло объедать гораздо более крупных, чем они, голубей, таская семечки у них буквально из-под носа, то есть, клюва. Старушка весьма увлеклась своим занятием, а я с досадой подумала, что с отдыхом на лавочке придется завязывать. Покой закончился, нужно ехать, к тому же, в багажнике машины есть молочные продукты – они могут испортиться. Я поднялась:

– Всего доброго, мне пора.

Хотела уже уйти, но старушка стала извиняться за то, что нарушила мой покой и попросила остаться, показав, что пакет уже пуст, и птицы сейчас улетят. Действительно, птицы быстро сообразили, что ждать им более нечего и с шумом разлетелись, в поисках других щедрых кормильцев. Я снова села. Вот что за характер у меня! Не могу отказать, если меня о чем-то просят, тем более, если это делает пожилой человек. Ну ладно, посижу еще немного и пойду. Тем более, что мне эта старушка слегка напоминает мою бабушку, которой, к большому моему сожалению, уже нет на этом свете.

– Катя!

Я удивленно воззрилась на старушку.

– Вас ведь Катей зовут?

– Да. А как Вы...

– Не удивляйтесь, – тихо рассмеялась старушка, глядя на мое озадаченное лицо, – я так подумала, потому что Вам очень подходит это имя. А меня зовут Ксения Сергеевна.

– Очень приятно.

– Вот и познакомились. Я вообще могу рассказать о Вас много интересного, – продолжала неторопливо старушка, пытливо разглядывая поблекшими голубыми глазами, моё лицо, – хотите?

«Сейчас начнется, – подумала я. Бабуле нечего делать, не с кем поговорить, она одинока, домашние давно привыкли ее не слушать, вот она и рада пообщаться хотя бы со мной. Я же не могу от нее просто отмахнуться! Это прямо на моем лице написано, что не могу. Некрасиво как-то было бы с моей стороны. Но, все-таки, нужно будет как-нибудь вежливо откланяться – мне домой нужно.»

– Но Вас же никто не ждёт? Дочка давно к бабуле уехала, и котика своего Вы подруге вчера оставили? – хитро посмотрела мне в глаза старушка.

– Да кто Вы! – воскликнула я в изумлении. – Откуда Вы и об этом знаете? Может, Вы меня раньше знали, или с мамой были знакомы, с бабушкой?

– Нет, к сожалению, я с ними знакома не была, хотя уверена, что бабушка Ваша была весьма достойной женщиной, а мама тоже прекрасный человек. – Ксения Сергеевна довольно рассмеялась, наблюдая на моем лице полнейшее недоумение и растерянность. – А Вас вот я встречала, да и не раз. Просто Вы не помните.

Я с облегчением вздохнула. Это все объясняет, хотя я действительно не помню, чтобы встречала ее раньше. Тем более, чтобы рассказывала ей о себе, о маме с бабушкой. Хотя, честно признаться, память на лица у меня всегда была не очень. Не могу же я всё и всех помнить. Я все-таки встала и собралась уходить, но она вдруг спросила:

– Арсений, друг Ваш, еще не вернулся?

– Нет, Вы и про него знаете?

– Ну да. Мне кажется, что Вы, Катя, не очень-то его и ждете.

– Не Ваше дело! – не сдержалась я. – Я жду его. Он вернется, и мы поженимся. Мы с ним так договорились. И вообще, давайте больше не будем обо мне говорить, у меня и так голова с утра болит. Все у меня хорошо, я всем довольна, я пойду!

– Нет. Вы, Катя, не довольны своей жизнью. Вам все время кажется, что вы живете неправильно.

– С чего Вы взяли? Как Вы, посторонний человек, можете знать об этом? Довольна я своей жизнью! Что Вы лезете! Все! У меня! Хорошо! Просто отлично!

– Ладно, ладно! – старушка успокаивающе погладила меня по руке. – Хорошо так хорошо. Простите, если я Вас чем обидела. Но я помогу. У Вас, Катя, есть много чего, что можно изменить в Вашей жизни, ну, или понять, что для вас главное, и нужно ли это менять. Это даже было бы лучше. Я Вам в этом обязательно помогу.

– В чём?

– Да в жизни Вашей, только не знаю сколько это займет времени. Может затянуться надолго.

Старушка продолжала держать меня за руку и смотрела внимательно и спокойно мне в глаза. Внезапно я успокоилась.

– И как же Вы мне поможете? Тем более что я вовсе не нуждаюсь в этом.

– Нуждаетесь, Катя. Вы, между прочим, забыли в аптечный киоск сегодня зайти.

– Ах, это? – уже не удивилась я бабушкиной осведомленности. – Действительно, но я завтра зайду.

– Нет–нет, нужно обязательно сегодня, иначе разболеетесь. В супермаркете напротив, есть хорошая аптека, туда и идите, там моя подруга работает, она Вам посоветует отличное лекарство. Выздоровеете за ночь. Обязательно нужно вернуться в этот супермаркет.

Старушка опустила голову и задумчиво почиркала на земле перед собой сухой палочкой, затем снова воззрилась на меня:

– А потом, не считите за труд, милая девушка, купите мне, пожалуйста, в мясном отделе, полкило молочных сосисок. Я подкармливаю бездомную собаку в нашем дворе. Она всегда ждет меня с прогулки. Иногда и со мной гуляет. Сегодня она просто мне не встретилась, а то бы непременно побежала за мной в парк. Но она ждет, я знаю. Собака оценилась недавно, у нее есть щенки, их шестеро и ей нужно помогать. Белка, так ее окрестили дворовые ребяташки, не может оставлять щенят одних надолго. Я сейчас Вам денег дам и буду ждать на выходе из парка. Вы уж не откажите, Катя, старой женщине. Я буду Вам очень благодарна и собака моя тоже.

Старушка полезла в сумочку. Я, обрадовавшись тому, что она меня более не задерживает и я могу с чистой совестью покинуть ее общество, сказала ей, что деньги она отдаст потом, когда я принесу ей заказанные сосиски. Мне же совсем не трудно, за каким-то лешим вернуться опять в магазин и, купить ей сосисок для собаки, вместо того, чтобы сесть в машину и ехать уже наконец домой. Ну, про лешего, разумеется, я ей говорить не стала, боюсь, что бабуля и так прочитала мои мысли. Уж как–то слишком загадочно она хихикнула, кинув на меня взгляд.

– Нет–нет, вот, возьмите. Здесь немного, но надеюсь, Вам хватит. – Ксения Сергеевна протянула мне деньги, я машинально сунула их в карман юбки.

– Только не в первом мясном отделе берите, а пройдите через дверь рядом с витриной в следующий отдел.

– Хорошо, – пожалала я плечами, – я и не знала, что там есть еще отдел.

– Есть, – улыбаясь, покачала головой старушка, – здание старинное, построено давно, там много чего есть. Я всегда по понедельникам беру там сосиски. Катя, по понедельникам, именно по понедельникам. Ну, иногда еще в среду бывает ничего привоз, но реже. Идите Катя, я подожду Вас, простите, что затрудняю, но Вы меня очень выручите.

Я не стала интересоваться, почему именно по понедельникам нужно ходить за сосисками, ведь какая разница, продуктов всегда навалом, в любой день, с облегчением поднялась, радуясь тому, что, наконец, могу уйти от странной старушки и зашагала обратно к магазину, ругая себя за свою безотказность. Старушка, между прочим, и сама еще в силах дойти до магазина, до парка же дошла, даже без палочки еще ходит! Мне бы в её годы выглядеть такой бодрячкой! Ну, ладно, Катерина, хватит ворчать, сделай доброе дело, раз уж согласилась исполнить бабушкину просьбу.

На выходе из парка я оглянулась, старушки на лавочке уже не было. На ней уже расселась веселая молодежная компания. Наверное, бабушка пошла погулять по дорожкам. Решила ножки размять. Жара уже спала, стало гораздо легче дышать, народу в парке заметно прибавилось.

Перебежав улицу, я опять поднялась в супермаркет, зашла в аптечный киоск и купила себе лекарств от простуды и головной боли, кстати, за прилавком работала молодая девушка, и быть подружкой Ксении Сергеевне она не могла никак. Затем я быстро прошла в мясной отдел

супермаркета и стала высматривать дверь, ведущую в следующий отдел. Я очень устала, была весьма недовольна невольной задержкой из-за старушки, поэтому быстро прошла к первой же попавшейся мне двери и взялась за ручку. Меня слегка удивило, что дверь поддалась туго и после того, как я шагнула через порог, сильно хлопнула, закрываясь за мной.

Глава 3

Я огляделась, поняла, что стою в каком-то коридоре, вероятно, рядом находились внутренние помещения магазина. Никакого продолжения мясного отдела здесь я не увидела. С опозданием подумала, что и двери между отделами обычно не бывает в супермаркетах. Обозлившись опять на себя за то, что пошла на поводу у старушки, развернулась, чтобы вернуться обратно и обомлела! Двери не было! Но я же только что шагнула сюда через порог, не прошло и минуты, но она непонятным образом успела исчезнуть! Я оглянулась и поняла, что стою в конце какого-то коридора в тупике. И еще: лампочки в коридоре светили непривычно тускло. Глаза с трудом привыкли к плохому освещению. Вроде большой супермаркет, а не могут освещение у себя нормально наладить! Но куда же дверь-то делась? Чудеса какие-то!

Тут я услышала чьи-то голоса. Они доносились немного впереди по коридору, и я, облегченно вздохнув, пошла туда. Прошла еще мимо каких-то дверей, поочередно открывая те, которые были не заперты. Ни одна из них не выходила обратно в нужный мне отдел. В основном это все были подсобные помещения. Наконец я дошла до помещения, откуда доносились голоса. Заглянув туда, я поняла, что здесь работают рубщики мяса. Это меня успокоило. Значит точно, я просто попала не туда, зашла в коридор, где находятся производственные помещения, здесь вот, к примеру, рубят мясо для продажи. Надо повернуть обратно и выйти в отдел, откуда я пришла. Я снова вернулась в конец коридора, но двери опять не обнаружила. Растерянно озираясь, я повернулась и пошла снова вперед, при этом чуть не столкнулась с высоким вихрастым молодым человеком в, выдавшем виды, длинном грязном клеенчатом фартуке. Он выносил на подносе куски рубленного мяса.

– Гражданка! – увидев меня, окликнул он. – Чего Вы здесь ходите? Вы к Петровичу пришли? Если к нему, так не его смена. Сегодня его нет. Завтра приходите.

– Нет! Я просто заблудилась, дверь ищу на выход, где она?

– Так вон, чего ее искать? Там выход. Пошли за мной. Вы бы не ходили где не надо. У нас с этим строго, заругаться могут. Хорошо директриса уехала.

В это время, дверь далее по коридору отворилась, и оттуда выскочила женщина средних лет в белом несвежем халате и белом же колпаке.

– Толик! Где ты ходишь? Меня сейчас покупатели саму на куски разорвут. Нарубил?

– Нарубил. Только это сегодня почти все, там Миша последнее накладывает, сейчас принесу, а больше сегодня не будет.

Тётка нахмурилась:

– Опять покупатели ругаться будут, придется кур выбросить. Надоело мне всё. А это кто? Твоя что ли? – глянула она на меня.

– Да не! Ты че, тёть Маш, мою Катьку не знаешь? Моя шире в два раза! А эта заблудилась. Сейчас выведу. Жди.

Последнее слово было обращено ко мне. Тётка неодобрительно покачала головой и, придержав дверь, пропустила парня с подносом в отдел.

Парень вернулся быстро, я дожидалась его в коридоре, надеясь, что он, поможет мне найти выход. Он и помог – подтолкнул к двери дальше по коридору:

– Вон там выход в отдел, на двери слегка обивка порвана, туда и идите. Больше не плутайте.

– Спасибо.

Я быстро пошла к двери, удивляясь, как я могла очутиться при входе сюда в противоположном конце коридора, и взялась за ручку. Попав из тускло освещенного коридора в отдел магазина, я зажмурилась от света, успев с облегчением сообразить, что опять стою в мясном отделе. Вот только народу в магазине сильно прибавилось и шумно стало. Вдоль витрины гал-

дела толпа покупателей, выстроившаяся в очередь. Я удивилась. Когда же успел собраться народ? Несколько минут назад покупателей вообще не было. Не считая двух–трех человек, стоявших за тем, чтобы им взвесили нужной им колбасы, сыра или мяса. Машинально я остановилась в конце очереди, с удивлением разглядывая все вокруг. Что-то явно изменилось.

– Дочка, ты сюда последняя? – около меня остановился невысокого росточка дед в синей вязаной безрукавке поверх рубашки. – А что тут дают?

– Нет, не последняя, не знаю, что дают, – очнулась я.

– Ну, так, зачем стоишь тогда тут? – осерчал дедок. – Ты, что ль, последняя, гражданка? – обратился он к полной высокой женщине, за которой я остановилась. – Чего дают-то?

Я с изумлением услышала, что мясо кончается, но вынесли еще кур. Немало подивившись услышанному, быстро прошла вдоль магазина, чтобы выйти на улицу. Сосиски я схватила по дороге прямо с лотка у женщины, выкладывающей товар на витрину. На упаковке значилась цена. На кассе у меня не приняли деньги, заявив, что они у меня не настоящие. Испугавшись неприятностей: вдруг, фальшивку кто мне незаметно сунул, я не стала качать права, извинилась, оставила сосиски на кассе и выскочила на улицу.

Там стало уже гораздо прохладнее, духота всё–таки спала, улицы города стали понемногу остывать, вечер стремился к ночи. Я пошла к машине. Старушку я решила не искать – всё равно сосисок не купила. Да и не было ее на выходе из парка, где она обещала ждать меня – я посмотрела. Что же мне, искать ее в парке что ли? Еще чего! Итак, задержалась по ее вине. Тем более, что меня ожидала еще одна неприятность: машины моей нигде не было. Я стала растерянно оглядываться, но ее не нашла. Ну, вот же здесь я ее оставила! Еще радовалась, что от дерева возле дороги на машину будет падать тень. Я ее припарковала здесь, когда еще солнце на небе было. Теперь на ее месте стоял совсем другой автомобиль, отечественный тёмно–зеленого цвета. В ней, приоткрыв дверь и высунув наружу длинные ноги в растоптанных сандалиях, надетых на носки, сидел мужчина лет сорока пяти и читал газету. Я решительно подошла к нему.

– Извините, Вы давно здесь стоите? – спросила я мужчину.

– Ну? – поднял он на меня глаза.

– Давно, говорю, стоите? – переспросила я громче, решив, что он меня не расслышал.

– Ну? – услышала я снова. – Чего надо?

– Здесь стояла моя машина! А теперь ее нет!

– Ну?

– Чего Вы нукаете? Вы мне можете сказать, где моя машина? – рассердилась я.

Мужчина нахмурился, озадаченно почесал себе затылок, пожевал губами и спросил:

– Вот эта машина Ваша? – Он указал пальцем на свой автомобиль.

– Нет, – растерялась я, – но я ставила ее именно сюда, под это вот самое дерево, а теперь здесь Вы стоите.

– Никакой машины здесь не было. Пусто здесь было. Идите и ищите в другом месте. Идите–идите! – махнул мужчина рукой вдоль по улице, показав мне направление, куда мне нужно идти искать свою машину.

Тут к нему подбежала, задыхаясь, полная рыжая женщина в буйно цветастом платье. В руках она держала две плетеные авоськи, из одной торчали куриные лапы, из другой рыбий хвост.

– Коля! Говорила тебе, чтоб ты со мной пошел! Так нет же! Поленился он из машины вылезать! Могли бы еще что-нибудь взять. Глянь: я и кур взяла и рыбу. Жаль мяса не досталось, кончилось прямо перед моим носом. Гляди, чего взяла!

Женщина потрясла авоськами прямо перед лицом мужчины. Куриные мосластые ноги и рыбий хвост едва не поцарапали его. Он недовольно поморщился, отклоняясь от авосек, вылез из машины и забрал из рук жены продукты, положил их в багажник.

– Все?

– Все! А это кто? – наконец обратила она внимание на меня. Я все еще стояла возле их машины, наблюдая за парочкой. – Чего надо?

Я только вздохнула и пошла дальше, рассматривая припаркованные вдоль дороги немногочисленные автомобили. Вслед себе услышала, как мужчина объяснял жене, чего мне было надо. Причем, назвал меня душой ненормальной. Да ну их! Пусть на себя поглядят! Пройдя довольно далеко, машины своей я все равно не обнаружила, да и не могла я ее так далеко от магазина оставить. Я точно помню место, где я припарковалась. Подумала, что ее забрал эвакуатор и расстроилась. Казалось, я ничего не нарушила, с чего бы это вдруг понадобилось забирать мою машину? Стоянка здесь не запрещена, между прочим. Никаких знаков, запрещающих что-либо, здесь не установлено. По крайней мере, я их не вижу. Внезапно, мне в голову ударила мысль о том, что автомобиль просто на просто угнали. Угнали мою машину! Мою подружку? Что же делать? Я в смятении заметалась на месте, не зная, как поступить. Полезла в сумочку, чтобы позвонить в полицию и вспомнила, что перед тем как пойти посидеть в парке, звонила Соне, а потом кинула трубку в бардачок, а, может, просто на пассажирское сиденье! Вместо того, чтобы положить в сумочку! Положила бы в сумку – был бы телефон при мне. Что за день такой сегодня! Точно с головой не дружу. Как вот теперь без телефона? Хорошо хоть догадалась сумочку свою в машине не оставить. Тетеря! Как назло, и Арсения в Москве нет – уехал на неделю, а он бы непременно помог.

Вдруг меня осенило: старушка! Вот кто виноват во всем! Да она же просто наводчица, как я могла не догадаться об этом! Небось, еще смолоду промышляет этим ремеслом! Не всегда же она была старенькой и благообразной. Недаром она мне показалась странной! Да она просто видела, как я оставила машину, припаркованную возле магазина, сообщила о ней своим подельникам и давай заговаривать мне зубы! Я и уши развесила! Дурочка я, доверчивая! Все-то она обо мне знает, да она просто гипнозом владеет, вот чем всё можно объяснить. Выспросила у меня сначала все, я сама не заметила, как всё о себе и выложила ей! Она просто задурила мне голову и задержала, сколько могла, в парке! В это время подельники легко вскрыли мою машину и были таковы! Нет, каково, а?

У меня из глаз брызнули злые обидные слезы. Как я могла так довериться? Впрочем, на лбу у старушки не было написано, что она преступница. Выглядела она как божий одуванчик в своей ажурной шляпке. Ах, Катерина! Сколько можно быть такой простушкой! А еще директор студии! Начальник над своими сотрудниками! Вроде не молоденькая уже. В сорок два (ну, почти), уже можно стать более умной и осмотрительной! Ничему меня жизнь не учит! Так, надо искать полицию. Я с тоской огляделась. В этом районе я бываю редко, разве что в магазин иногда заезжаю по пути с работы. Мимо проезжал паренек на велосипеде, как раз возле меня у него слетела цепь, и он, ругнувшись, слез с велосипеда, оттащил его к стене дома, прислонил и принялся за ремонт. Я подошла к нему.

– Молодой человек, Вы не можете мне сказать, где в этом районе находится полиция?

– Чё? Полиция? Милиция что ли? – Подросток, откидывая челку, чтобы взглянуть на меня, мазнул грязной рукой по лбу, оставив на нем темный след.

– Ну, милиция, – согласилась я, – один черт, так, где она?

– А чё случилось? – поинтересовался парнишка.

– Машину угнали. Так, где милиция? – уже нетерпеливо повысила голос я.

– Машину–у... – парень, сочувствуя, качнул головой и причмокнул, – жалко. Да вон, она в том переулке, пройдите дальше и за поворот. Там недалеко. Крыльцо увидите. У меня там дядька работает, только он сейчас в отпуске. В Крым поехал на поезде, на море, а меня не взял, сколько я не уговаривал. Он говорит...

– Спасибо, парень, – прервала я его.

Я быстро зашагала в указанном направлении, свернула в переулок. Действительно, пройдя немного, я увидела крыльцо с козырьком. Над дверью увидела табличку, извещающую, что здесь находится районное отделение милиции. Коротко отметив про себя, что милиция уже давно стала полицией, а они не могут табличку сменить до сих пор, я поднялась по отбитым кое-где ступеням крыльца и зашла внутрь.

Глава 4

Да, кондиционером здесь и не пахнет. Воздух в отделении душный, спертый какой-то. Хоть бы окна открыли, все равно они зарешечены. За стеклянной перегородкой с окошком, над которым было написано краской «Дежурная часть», сидел мужчина в серой рубашке с погонами и протирал большим мятым носовым платком голову, с явно наметившейся лысиной. Ему было жарко. Впрочем, мне тоже не было прохладно. В званиях я немного разбираюсь, так как папа был военным, поэтому определила по звездочкам на погонах, что передо мною сидит капитан. Я подошла к вырезанному в стекле окошку и поздоровалась. Капитан вскинул на меня глаза, и устало спросил о цели моего обращения. Я рассказала, что только что лишилась машины. Милиционер с надеждой спросил меня о том, не могу ли я прийти к ним завтра, ибо уже вечер. Отрицательно покачав головой, я состроила несчастное выражение на лице, сделав вид, как будто сейчас расплачусь. Впрочем, это было недалеко от истинного моего состояния. Вздохнув, он протянул мне в окошко лист бумаги и велел написать за столом заявление, посмотрев, как оно пишется на образцах, помещенных на стенде.

Я отошла к столу, почитала образцы на стене и покорно описала происшедшее на бумаге, не забыв упомянуть свои подозрения по поводу наглой наводчицы в лице старухи. Затем протянула свой листок капитану, он бегло просмотрел заявление, недоверчиво покосился на меня, поднялся, открыл дверь из дежурки и заорал в сторону коридора:

– Андрюха! Андрей Сергеич, подойди!

– Зачем? Я занят, позже выйду, – послышалось оттуда.

– Андрюха! Сейчас нужно! – заорал опять дежурный. – Поговорите с ним, – добавил он уже тише, повернувшись ко мне.

Из коридора послышался звук хлопнувшей двери, шаги и у дежурки возник небольшого роста щуплый белобрысый парень. Формы на нем не было, молодой человек был одет в светлую клетчатую рубашку и мятые брюки. Волосы его были взъерошены и влажные, как будто он только что вымыл их, вытер, а причесаться не успел. Увидев меня, он сразу приосанился, быстро привел пятерней шевелюру в относительный порядок. Я поздоровалась. Он кивнул и представился:

– Майор Седлов, оперуполномоченный.

– Андрей Сергеич, вот, гражданка Синичкина пришла, хочет машину свою найти. Говорит, угнали от магазина. – Капитан, улыбаясь, махнул головой в мою сторону.

– Так в чем проблема? Прими заявление, вон же стенд, там все написано. – Белобрысый опер пожал плечами. – Ты мне дашь сегодня, Митрохин, отчет дописать? Я домой хочу, сколько можно, а сегодня матч, не помнишь?

– Помню. Так она и написала, ты почитай.

Капитан Митрохин протянул листок с моим заявлением Андрею Сергеевичу. Тот взял и, нехотя принялся читать, постепенно лицо его вытягивалось, и он начал украдкой поглядывать на меня. Я устала стоять, отошла и плюхнулась обратно на стул, на котором сидела, когда писала свое заявление. Закончив чтение, белобрысый парень подошел ко мне и присел на соседний стул.

– Шутить изволите?

– С чего Вы взяли? – вскинулась я. – Всё правда! Я оставила машину, сходила в магазин, затем погрузила в нее продукты и пошла немного посидеть в парке, где меня и подловила эта старушка-наводчица. Это точно она! Я вам говорю! Она мне сразу показалась подозрительной, еще и гипнозом владеет. Заговорила мне зубы, задержала возле себя, а ее подельники машину и угнали! Продадут и деньги поделят. Чем не прибавка к пенсии?

Капитан тоже вышел из дежурки и, улыбаясь, встал возле нас. Меня это обидело и разозлило еще сильнее. Что за смешки, не понимаю! Я угрюмо сверкнула на него глазами.

– Так, Екатерина Семеновна, – белобрысый успокаивающе положил руку мне на плечо, я нервно дёрнулась и немедленно ее скинула. Сотрудник смутился. Впрочем, он не обиделся. – Вы утверждаете, что Ваша машина «Пежо», – тут он переглянулся с капитаном, – государственный номер такой-то, цвет синий, номер такой-то, московский регион, года выпуска две тысячи двенадцатого, исчезла с соседней улицы? – Он многозначительно посмотрел на капитана. Тот обидно ухмыльнулся, отвечая его взгляду.

– Ну да! Вот, ключи только остались. – Я вынула ключи из сумки и потрясла ими перед самым его лицом.

Майор взял их у меня из рук и внимательно рассмотрел, передал капитану. Тот тоже полюбовался ими, даже потряс в руках, затем, нехотя, отдал обратно мне. Может, и на зуб бы попробовал, но постеснялся, наверное.

– Ага. Значит, «Пежо»? – Майор, прищурившись, недоверчиво глядел на меня.

– «Пежо»! В чем дело? Вы будете принимать заявление?

Я уже начала обдумывать, куда мне обратиться дальше, если эти сотрудники полиции не возьмут у меня заявление.

– Будем–будем, успокойтесь. А расскажите нам, где вы взяли такую машину? Да еще две тысячи двенадцатого года выпуска?

– Ну не украли же! Купила я ее в салоне, как многие это делают. Уже не новая, верно, но в аварии ни разу не была – я аккуратно езжу. А что?

– Прямо взяли и купили? – вкрадчиво спросил белобрысый сотрудник.

– Взяла и купила, а что, нельзя? – удивилась я.

– Нет, ну можно, конечно, если деньги имеете и возможность.

– Но это же не Ваше дело? – забыв об осторожности, поинтересовалась я. – Я ничего при этом не нарушила?

– Не мое, Вы правы, не нарушили. А только таких машин в городе, гражданка Синичкина, по пальцам пересчитать можно, и, вроде как, одна из них Ваша.

– Моя. Вообще-то я могу с большой уверенностью сказать, что таких машин на улицах города полно.

– И документики у Вас имеются?

– Имеются! Только они уехали вместе с машиной в бардачке! Сколько раз собиралась выложить их оттуда!

Майор вздохнул, с сожалением посмотрел на часы и поднялся. – Пойдемте в кабинет. Там продолжим. Вы, вообще, знаете который час? Может, завтра придете? – Он, со слабой надеждой в глазах, взглянул на меня.

– Нет! Пожалуйста, примите заявление сегодня. – Я испугалась, что у них рабочий день закончился, и он сейчас быстренько спровадит меня вон.

Андрей Сергеевич молча пошел по коридору, а я побежала за ним. Он открыл дверь и пропустил меня вперед. Зайдя в кабинет, я присела на стул перед столом, удивившись тому, что комнатка очень мала, здесь есть только огромный серый металлический сейф в углу, письменный стол, выдавший виды, несколько стульев у стены. Сбоку от стола на стене висела карта района, на стене еще висел за чем-то портрет генсека Горбачёва. Ну, в углу еще вешалка на ножке и все. Даже компьютера на столе не было. Только среди вороха бумаг, я разглядела, затерялся допотопный телефон с диском.

– Итак, я, конечно, мог Вас уже и не принимать, Вы ж понимаете, что прием граждан закончился. Только из-за того, что случай у Вас очень любопытный, поговорим сейчас. Мне просто самому стало интересно разобраться в этом деле. Хорошо хоть дома меня ждать некому. Жена с детьми на лето в деревню уехали. К теще.

Андрей Сергеевич налил в граненый стакан воды из графина, стоящем на сейфе, и протянул мне. Я с благодарностью приняла стакан и выпила, пить хотелось очень. К сожалению, вода оказалась противно теплой. Майор и сам выпил водички из того же стакана, и уселся на старое, с лопнувшей в нескольких местах кожаной обивкой, кресло за столом. Интересно, к чему он припел про свою жену и детей, не заигрывать же он со мной собрался, пользуясь моментом отсутствия своей жены? Еще чего!

– Ну, рассказывайте, что за машина такая? – прервал он мои подозрения.

– Обыкновенная, – удивилась я, – я все написала, читайте.

– Ну ладно, обыкновенная. Дорогая, во-первых, редкая, во-вторых, иностранная, в-третьих. Да еще и со странными номерами. А уж год выпуска! Вообще слов нет.

– А что в них странного? Я получила номера вполне законно, проверьте по компьютеру, в чем проблема? Права, между прочим, тоже законно получила, а не купила.

– По чему проверить? – Белобрысый вытащил из-под бумаг телефон и, крутя диск, стал набирать номер:

– Ирочка! Майор Седлов беспокоит, здравствуй, дорогая, сегодня ты опять дежуришь? Да, да. Снова я. Ну, прости, в следующий раз, обязательно. Пожалуйста, сделай доброе дело, да, прямо сейчас и срочно! Ты права – мне больше всех надо. Ну ладно тебе, я же тебя прошу, мне именно сейчас это нужно, а не завтра, не могу я ждать. Машина уж очень интересная, ты только послушай, прямо песня. Так, записывай: марка «Пежо», синяя, номер... Жду.

Опер продиктовал данные, и откинулся на кресле, пристально разглядывая меня. Под его взглядом я смутилась. Смотрит на меня, как будто это я угнала у кого-нибудь машину, или совершила какое другое жуткое преступление, а он меня поймал. Мне вдруг захотелось срочно уйти. Если бы не нужно было узнавать, что стало с моей машиной, я бы ушла прямо сейчас. Но нужно потерпеть и выяснить, что ему удастся узнать. Молчание затянулось, в кабинете стало слышно, как жужжит и бьется на оконном стекле запыленная муха.

– Придется подождать, не так это быстро, – нарушил молчание майор и принялся перебирать на столе бумаги. Бардак у него был еще похлеще, чем на моем столе. Зато он перестал буровить меня глазами, я облегченно вздохнула.

Сейчас стало видно, что никакой он не парень, а вполне зрелый усталый мужчина, просто из той породы мужиков, которые всю жизнь выглядят гораздо моложе своих лет. Вон, и морщины на лице имеются, глаза усталые, лысина уже вполне приличная. Меня это немного успокоило – значит, он имеет опыт работы.

– А почему в отделении никого кроме вас с дежурным нет? – спросила я только для того, чтобы не молчать более.

– Почему нет? Есть. Но немного. Кто-то еще на задании. Кто-то в других кабинетах. Кто на вызовах. Порядок в городе нарушается круглосуточно. Всегда кто-то на месте.

– Как Вы?

– Как я, – улыбнулся опер, морщинки на его лице разбежались, обнаруживая мальчишеские черты, – рабочий день и у нас когда-то заканчивается. У милиционеров тоже семьи есть.

Тут на столе громко затрезвонил телефон.

– Ирочка? – минуты две опер внимательно слушал. – Ай, молодец! Так, не перепутала? Ну, всё–всё, прости. Я так и думал. Ты же у нас большой спец! Спасибо. Целую Ваши ручки.

Майор положил трубку, помедлил немного, глядя на аппарат, а потом уставился на меня, буровя глазами на моем лице дыру.

– Ну, вот, как я и думал, такой машины в базе вовсе нет, а такого номера тем более.

– Как? – вскочила со стула я, едва не опрокинув его. – Такого быть не может! Машина зарегистрирована как положено!

– Очень даже может быть. Успокойтесь и сядьте. Вы очень плохо поступили, гражданка Синичкина, отвлекая милицию своими дурацкими выдумками. Хотите, чтобы мы Вас задер-

жали? Вам спокойно не живётся? Вы зачем это сделали? – посуровел лицом и строго посмотрел на меня опер. – Вроде не девчонка уже глупости совершать. Не подросток же какой-нибудь, голова-то, должна уже соображать! Дайте мне Ваш паспорт!

Я перепугалась. Отлично знаю, что я во всем сейчас абсолютно права, но майор был так рассержен и, по-моему, даже намерен задержать меня. Вон, как брови нахмурил! Еще в обезьянник посадит! Об обезьяннике у меня были представления только из просмотренных мною фильмов, и мне туда вовсе не хотелось. Я представила себя, сидящей за решеткой вместе с другими задержанными преступниками, бомжами и проститутками, и решила, что мне нужно срочно уходить из отдела, пусть и ничего о своей машине не узнав, и побыстрее! А с машиной я разберусь позже. Кажется, у секретарши Машеньки, кто-то из знакомых или родственников, работает в полиции. Вот, к нему и обращусь, вернее выйдет.

– Простите меня, я глупо поступила, – прижала я руки к груди, – просто я книжку пишу в первый раз, детектив, в машинах совсем не разбираюсь, а подсказать мне некому, вот и хотела проиграть ситуацию сразу в полиции. Я всё–всё придумала! Правда! Не надо меня в обезьянник, я вполне законопослушная гражданка! Просто мне не у кого было спросить, как все происходит, вот и пришла к вам, как к специалистам. Но я больше не буду, обещаю!

– Ничего себе! Нашли с кем шутки шутить, к кому обратиться. У нас тут не полиция и я Вам не помощник. Могу вот только проиграть с Вами ситуацию заключения мошенника в обезьянник. Хотите?

Следователь поднялся из-за стола.

– Нет! – Я тоже вскочила со стула. – Обещаю Вам, больше никогда так не делать! Можно, я пойду, меня дома дети ждут? – я опять молитвенно прижала свои руки к груди.

– Паспорт Ваш!

– Он тоже уехал в бардачке.

– Вы опять?

– То есть, дома оставила!

Опер сурово нахмурил брови, я испугалась еще больше. Вдруг решит в сумке посмотреть, а там мой паспорт как раз и лежит.

– Я не ношу с собой паспорта, боюсь потерять, – оправдываясь, залепетала я.

– Идите, – Андрей Сергеевич устало махнул рукой на дверь, – не приходите больше со своими глупостями. Можете попасть на приём не ко мне. Вы поняли, о чём я?

Я закивала, со скоростью китайского болванчика, головой, попрощалась с ним и пулей выскочила из кабинета, быстрым шагом дошла до дежурного.

– Всё в порядке? – с большим интересом спросил капитан. В дежурке кроме него в данный момент находился еще один сотрудник. Оба с большим интересом уставились на меня. Видимо, дежурный уже успел рассказать сослуживцу о странной посетительнице с диковинной машиной.

– Да, всё в порядке, спасибо. Уже уйду, до свидания.

Я быстро скатилась, чуть не упав, оступившись на шербоной ступеньке, с крыльца отделения, и торопливо зашагала в сторону, откуда пришла. Я так устала! Хорошо хоть успела в машине переобуться и на ногах были удобные лодочки, а не туфли на каблучках. Вот как бы я сейчас на них ходила? Завтра с утра буду заниматься поисками пропавшей машины. Обращусь к Машеньке. Пусть поднапряжет своего родственника. А сейчас придется добираться домой на такси. У магазина, на мое счастье, как раз недалеко от меня, остановилась машина с шашечками. И ждать не пришлось! Я обрадовалась и ринулась к ней. Из такси выбралась пожилая чета, а я плюхнулась на заднее сиденье.

– Вам куда? – повернул ко мне загорелое лицо пожилой таксист.

Я назвала адрес. Таксист немного проехал вперед, развернулся и я, наконец, поехала в сторону дома. На улице уже начало активно темнеть. Повсюду зажигались огни. Я с тос-

кой подумала, что наконец–то бестолковый вечер подходит к концу, сейчас доберусь до дома, приму быстренько душ и завалюсь в кровать. Жалко, что продукты в машине остались, есть все равно хочется, несмотря на все мои переживания, ну да ладно, найду что-нибудь в холодильнике. Хотя бы и редиску. Можно, к примеру, неплохой салатик сварганить на скорую руку. Ах да, не забыть принять лекарства, иначе, завтра не встану на работу. А у меня важный заказчик должен подъехать. Он был не очень доволен проделанной нашей студией работой, и требовал срочных изменений. Мы всю прошлую неделю занимались этим заказом, и завтра должны были представить заказчику новый проект. Надеюсь, на этот раз он останется доволен, мы учли все его капризы и пожелания и, даже, больше. Вот только как мою машину жалко... Поневоле станешь думать, что у меня начались крупные неприятности. Может зря себя накручиваю и завтра я во всем благополучно разберусь?

Глава 5

Мучаясь от усталости и головной боли, я закрыла глаза и проснулась только после того, как таксист, протянув ко мне руку, потряс меня за плечо:

– Приехали, гражданка. Еле разбудил. Расплачиваться будем?

Я полезла в свою сумочку за деньгами и протянула ему из кошелька тысячную купюру:

– Хватит?

– Это что? – Пожилой таксист с огромным изумлением на лице стал разглядывать бумажку с обеих сторон. – Это деньги?

– Неужели мало? – с вызовом спросила я. – Обычно этих денег до моего дома хватало. Там даже лишнее.

– Вот, что, гражданка, – посуровел голосом таксист, – или Вы со мной расплачиваетесь, или я Вас везу сейчас в отделение.

– Я там уже была, – огрызнулась я, – чем Вам мои деньги не нравятся? Мало? Возьмите ещё.

Я протянула ему еще двести рублей, больше в кошельке наличных не было. Ну и хапуга! Надо будет номер его такси запомнить и в сети про него написать или в таксопарк позвонить. Ах, мне же старушка еще денег сунула – вспомнила я наконец о заказанных ею сосисках и деньгах, которые она успела дать мне. Получается, я не вернула бабуле деньги. Ну и ладно! Если она наводчица, то так ей и надо, не обеднеет! Доля от продажи моей машины, небось, намного перекроет эту сумму. Я быстро сунула руку в карман юбки и вынула наружу бумажки. Мне стало смешно. Я чуть не расхохоталась нервно. Она мне дала старые деньги! Я такие денежки еще помню, мы ими пользовались в советские времена. На них запечатлен незабываемый лик Ильича. Ну и старушка, вот пройдоха! И тут меня обманула!

– Хотите, я Вам этих денег дам? – с усмешкой спросила я водителя.

– Давно бы так, – вздохнул таксист, – а то голову морочите, стыдно должно Вам быть. Мне столько не надо, беру два рубля, на счетчике рубль девяносто, вон, можете посмотреть. Вот эти заберите, а десять копеек сейчас сдам.

– Не надо, оставьте себе, – сказала я и выбралась из машины. Ничего себе! Еще один чокнутый!

– Спасибо! – услышала я из открытого окна отъезжавшей машины.

Машина завелась и уехала, а я некоторое время в недоумении продолжала стоять на месте. Голова опять разболелась так, что я почти ничего не соображала. Я пришла к разумному выводу – решила не заморачиваться. Если у водителя не все в порядке с головой, то это его проблемы. Как ему доверили сесть за руль такси людей возить?

Быстро дойдя до своего подъезда, я заметила, что на двери нет домофона. С утра был. Дверь открылась без проблем. Видимо, как обычно это у нас случается, затеяли ремонт, да до вечера не успели его завершить. Вот и лифт не работает. Очень мило. Давненько он не ломался. Грузовой тоже встал. Тихо ругаясь про себя, я поднялась на свой четвертый этаж. Я уже двигалась на автомате, почти ничего не соображая – голова гудела. Тут я встретилась еще с двумя проблемами – на площадке горела тусклая лампочка – кто-то заменил что ли? И ключи не лезли в замочную скважину. Пока я нервными руками ковырялась в замке, открылась дверь напротив, и оттуда вышел долговязый парень в клетчатой рубашке. Наверное, один из близнецов соседских.

– Здравствуйте, Анна Максимовна. Что, дверь не можете открыть? Давайте помогу.

Не успела я ничего сказать, как парень забрал у меня ключи из рук, и принялся сам отпирать замок. Я видела, что у него тоже ничего не выходит.

– Что-то как будто не те. Вы не перепутали? – глянул он на меня через минуту озадаченно.

– Я? Нет, у меня нет других. – Я пошарила в сумочке. – Может, правда чужие ключи случайно на работе взяла? Тем более, я не Анна Максимовна.

– Ну, ладно, просто тётя Аня, – улыбнулся парень, – это не проблема, давайте я свои ключи дам, сейчас вынесу.

– Не надо мне Ваших ключей, зачем они мне? – сказала я в спину парню, метнувшемуся обратно в соседскую квартиру. Он недолго там задержался, почти сразу выскочил обратно.

– Да они не мои, а Ваши, Вы же нам и дали запасные, чтобы мы с бабушкой цветы в Ваше отсутствие поливали. Держите, эти настоящие, а те Вы точно чужие прихватили. Поспрашивайте на работе, найдёте хозяина.

Парень сунул мне в руки ключи и заскакал вниз по лестнице. Вскоре внизу хлопнула дверь подъезда. Что-то непонятное крутилось в моей голове, но я никак не могла додумать эти свои мысли. Отмахнувшись от них, я вставила ключ в замок.

В этот раз дверь легко открылась, и я вошла внутрь квартиры. В прихожей включила свет и обомлела. Квартира была не моя! И в то же время – моя. Но она такой была много лет назад. Я тогда ещё была школьницей, примерно, как моя Кирка, и жила вместе с папой, мамой и старшим братом Антоном в этой квартире. До нее, то есть до возвращения в Москву, мы успели поехать всей семьей по гарнизонам, в которые переезжали с папой–военным. Когда папа поступил в военную академию в Москве, мы с радостью вернулись в родной город, а бабушка и дедушка переехали в деревню, оставив нам свою квартиру. С тех пор вся моя жизнь связана с этим домом. Я до сих пор живу здесь со своей дочерью Кирой. Только обстановка с тех пор уже неоднократно менялась. Ничего не понимая, с заколотившимся вдруг сердцем, я пошла по квартире, включая везде свет.

Ну вот, конечно, это наша кухня с, модным в те времена, польским гарнитуром, которым мама ужасно гордилась и берегла от всяких царапин, нещадно ругая нас, если нам вздумывалось вдруг порезать что-нибудь прямо на столешнице или поставить без подставки горячую посуду. Гарнитур этот маме помогла купить ее коллега по работе, так как у этой женщины брат мужа работал в мебельном магазине, уже не помню кем. Занавески на окне голубенькие, их мы вместе с мамой в виде ткани, удачно купили в универмаге возле казанского вокзала, а потом мама сама их раскроила и сшила на швейной машинке. Машинка была старенькая, еще от бабушки досталась, и стояла у мамы в спальне.

Я достала из сумочки парацетамол и быстро проглотила, запив водой из-под крана, налив ее в граненый стакан, стоящий на столе возле раковины. Позже растворю порошок от простуды, надо будет воды согреть в чайнике. Сейчас не до этого. Я быстро прошлась по всем комнатам и отметила про себя, что все находится на своих местах ровно так, как это было в те годы. Вон и машинка швейная в футляре на своем месте – в спальне родителей, сбоку от шкафа!

Я медленно вернулась в кухню. Что за наваждение? Неужели я сплю? Тут мой взгляд упал на календарь, висящий на стене возле холодильника «Бирюса», и я едва устояла на ногах. На календаре значилась нереальная дата: двадцать шестое июня тысяча девятьсот восемьдесят девятого года. Я стала медленно оседать на пол, успела еще за край стола ухватиться, но это мне ничуть не помогло.

Глава 6

Очнулась от того, что меня кто-то тряс за плечо. Открыла глаза и обнаружила, что я лежу на полу кухни, а надо мною склонилась пожилая женщина, в которой я с трудом признала нашу давнюю соседку, бабу Клаву, бабушку моего школьного друга Димы и ближайшую приятельницу своей бабули. Так вот почему мне показался знакомым парень, который мне помог с ключами. Парень этот не был одним из соседских близнецов! Это был их отец, Димка, только тогдашний. Но ведь баба Клава уже умерла лет десять назад! Ну и дела!

– Вставай, Анюта, ты чего здесь лежишь? Поскользнулась или сознание потеряла? А? Не молчи, может, скорую вызвать? – тревожно спросила у меня соседка. – Давно лежишь-то?

– Нет, не надо скорую, а Вы меня точно знаете? – осторожно спросила я у нее.

– Конечно, знаю, ты – Лидочкина сестра, Анюта. А почему ты спрашиваешь? Может, ударились головой? Давай всё-таки скорую вызову! Вдруг сотрясение головного мозга получила. Сильно ударились? Вот, воды попей, – она протянула мне воду в стакане.

Я отрицательно помотала головой, сказала, что ударились не сильно, скорая мне не требуется. Глотнула немного водички из стакана и при помощи бабы Клавы поднялась на ноги, затем мы прошли в гостиную, и я опустилась на диван. Соседка пристроилась рядом и с сочувствием смотрела на меня.

– Я в порядке, не беспокойтесь. Мне уже полегчало. Просто я устала сегодня и простыла вдобавок. Вот мне и стало нехорошо, голова у меня закружилась.

– Когда Димка собирался, я задремала как раз, а проснулась, как раз внук уже дверь запирает. Ну опять поросенок в ночь умчался на гулянку! Вот приедут родители, я им все расскажу, никакого сладу с ним не стало! Я потом поглядела в глазок и увидела, что ваша дверь приоткрыта, вот и пошла глянуть, почему она не заперта. Покричала, а никто не ответил. Я заглянула в кухню, а тут ты лежишь, ох, и испугалась я, думала вначале, воры залезли, да по голове тебе дали. Точно все в порядке, давай голову осмотрю? Не было воров?

– Точно, все в порядке. Не беспокойтесь, все хорошо. Дверь я сама прикрыть забыла. Говорю же, голова закружилась, вот и упала. Спасибо Вам за заботу.

– Ну, я тогда пойду, Димка должен вернуться, обещал долго не гулять. Вот я ему задам! Совсем без родителей от рук отбился. Ты это, молочка горячего попей с медом и ложись, отдохай. Молоко-то есть у тебя? Давай мёду принесу?

Я отказалась, в который раз уверив её, что со мной всё уже в порядке, мне просто нужно лечь спать. Еще раз поблагодарила соседку за помощь. Баба Клава поднялась и пошла к выходу. Я заперла за ней дверь и вернулась обратно в комнату. Забралась опять с ногами на диван и стала думать. Как назло, думалось плохо, голова совершенно не слушалась меня. Я уже догадалась и почти смирилась с тем фактом, что каким-то неведомым фантастическим образом, очутилась в своем прошлом. Моя квартира, подросток Димка и живая баба Клава – тому доказательство. Прямо как в кино! Вот уж не знаешь, то ли радоваться, то ли рыдать от отчаяния! Сначала еще надеялась, что все происходит во сне – пощипала себя за руку, но ничего не вышло, это был не сон. Как это произошло, я не могла понять. Стала прокручивать в уме все, что произошло со мной за этот день. Я глянула на настенные часы: уже почти полночь. Спать почему-то не хотелось. Я, видимо, «отдохнула» пока в такси ехала, а потом еще, когда в отключке лежала на полу кухни. Голова почти перестала болеть, но упорно отказывалась сообщать что-либо. Я вспомнила, что успела принять таблетку от головной боли, пока не увидела дату на календаре. На мыслительный процесс она никак не повлияла в положительном смысле.

Итак, что мы имеем? Имеем мы много чего не очень хорошего. За сегодняшний вечер я успела: не вернуться с работы домой, зато приятно «отдохнула» в парке в кои-то веки, давно так не «отдыхала». Познакомилась с наглой старушкой и лишилась своей любимой машины. Затем,

чудным образом, переместилась в прошлое, оказалась в своей квартире. Я вспомнила странный гастроном, в котором были очереди. Ну, так правильно! В конце восьмидесятых годов так и было – везде были очереди, я прекрасно помню, как ходили в магазины всей семьей и становились в разные очереди, чтобы суметь купить, то, что «выбросят» или «дадут» – так тогда говорили. Все равно что. Это словечки «выбросят» и «дадут» так и остались с тех лет. И отдел милиции, а не полиции! Не мудрено, что они мне сразу не поверили: какие «Пежо» могли быть в восемьдесят девятом году у обычной гражданки, а не артистки или певицы, или же какого-нибудь высокого чиновника? Тогда мало у кого были иностранные машины, свои-то «москвичи» и «жигули» не могли купить! За ними еще в очереди несколько лет постоять нужно было. Как это меня, действительно, не задержали? Пожалели, наверное, убогую. Повезло мне крупно! Я вспомнила лица капитана Митрохина и майора Седлова. Не хотелось бы мне снова оказаться в том отделении, я вела себя там как ненормальная.

Так, ладно, а где моя семья? Если здесь восемьдесят девятый год, то где все? Самое интересное, я-то ведь тоже должна быть. И мне, сейчас посчитаю, ага, должно быть шестнадцать лет. Ну, почти семнадцать, ибо день рождения у меня в конце июля, через месяц. Недолго осталось. Правильно, встреченному мною Димке так и есть, а мы с ним в параллельных классах учились. Правда, последние два класса, я училась в Ленинграде, туда отправился служить после окончания академии мой папа, ну а семья, ясное дело, жила там же. В восемьдесят девятом году я как раз в это время сдавала в школе выпускные экзамены. Ах, да! Уже прошел выпускной бал, и я готовлюсь в это время к поступлению в институт. Готовлюсь – не то слово. Мне совершенно не до этого. Я прекрасно чувствую себя на даче у маминой подруги, с которой они вместе работали в школе. Семья тоже военная и мы сдружились, почти все праздники отмечали вместе, встречались часто. Там же отдыхала моя ровесница Зойка – дочь той самой маминой подруги. Мы весело проводили время, считая, что заслужили отдых после трудов праведных – сдачи выпускных экзаменов в школе, а подготовиться к экзаменам в институт, думали мы, и так успеем. Зойка тогда страшно влюбилась в моего брата Антошку, приехавшего на каникулы, а мне ужасно нравился парень, тоже приехавший в отпуск к родителям из мест своей службы.

Боря тогда был еще совсем молоденьким лейтенантом, притом летчиком, что придавало ему в наших, особенно моих глазах, особенный вес. Тогда он впервые приехал в отпуск, с тех пор, как начал службу после окончания военного училища. С ним мы познакомились совершенно случайно, когда катались с Зойкой по дачному поселку на велосипедах. Я загляделась на симпатичного парня в военной форме и попросту наехала на него, едва не упав с велосипеда. Парень, стараясь удержать меня от падения, упал сам. Зойка едва не умерла от смеха, а для меня это был знак судьбы. Я влюбилась сразу и бесповоротно.

Маме он показался чересчур взрослым для меня и наше знакомство она совсем не поощряла. Впрочем, как и папа. Папе только нравилось, что Боря – военный, как он сам. Военным он как-то больше доверял, считая их более порядочными и воспитанными по сравнению с гражданскими ребятами. Подозреваю, что папа тогда успел серьезно поговорить с Борей насчет «всяких глупостей», которые мы могли совершить, по его мнению. Но мне тогда было мало дела до родительских опасений, да и считала я себя уже взрослой – как же, школу же я закончила, стало быть, уже не ребенок, сама за себя могу отвечать и знаю, что делать. Я с головой окунулась в первую любовь, ну, почти первую. Наверное, школьная любовь к молодому учителю истории в восьмом классе, не считается. Там и не было ничего, одни девчачьи мечтания и переживания – уехав с родителями в Ленинград, я быстро про него забыла. А Боря... Встретив его, я словно с ума сошла! Я так в него влюбилась, что ни о чем и ни о ком больше не могла думать, у меня пропал аппетит и всякий интерес ко всему прочему. Все мои мысли денно и ночью крутились в голове только вокруг него. Мне хотелось постоянно находиться рядом с ним. Правду говорят, что, влюбляясь, люди слегка глупеют. Да я точно тогда поглупела! Ника-

кие учебники в голову не лезли. Какое там готовиться к поступлению в институт! Хорошо еще, что в школе я отучилась хорошо и знания имела неплохие, что давало некоторую надежду на поступление в институт.

Значит, мои родители сейчас, в восемьдесят девятом году, находятся в Ленинграде, я, само собой, тоже там, то есть на даче, брат мой Антон учится в медицинском институте, в это время он находится где-то на практике. А Зойка пишет ему длинные любовные письма. Кстати, она потом выйдет-таки за моего брата замуж, годика через четыре. Родит ему троих детей – у меня два племянника и племянница, которых я очень люблю, но вижу не часто. Мы живем в разных городах. Антошка с семьей давно обосновался в Питере, в Москву, конечно, приезжают, но редко.

Получается, что меня здесь приняли за мамину младшую сестру тётю Аню. Все с детства говорили, что я больше на нее похожа, чем на маму. Сейчас, то есть в восемьдесят девятом году, ей должно быть где-то около сорока лет. Почти моя ровесница. Это хорошо, только ведь и она здесь должна быть и может скоро появиться в нашей квартире. Она же тоже существует в восемьдесят девятом году. Я помню, что тётя Аня часто приезжала к нам в Москву, мама поручала ей присматривать за квартирой, пока мы жили в Ленинграде, потому что к тому времени, бабушка с дедушкой уже переехали в деревню. Тётя Аня жила и живет в ближнем Подмоскowie, в Балашихе, куда в свое время вышла замуж, а так как это совсем близко, ей присматривать за нашей квартирой было не трудно. А вдруг она приедет, то куда тогда прятаться мне? Или, к примеру, вернутся мои родители вместе со мной, только девочкой? Из фантастических фильмов я припоминаю, что встречаться с собой и вмешиваться ни во что нельзя, чтобы не изменить будущее. А может, наоборот, в моем случае что-то нужно изменить? Может, для этого я здесь? Для чего-то ведь я попала сюда? Вдруг, я совершу что-то такое, что коренным образом изменит мою жизнь? Интересно. Только уж очень боязно как-то, вдруг это получится в худшую сторону?

Мне, вдруг, стало очень страшно. В мою голову пришла мысль, что я и на самом деле могла оказаться в теле настоящей тётя Ани. Ведь приняли же меня за нее мои соседи! Как мне это раньше в голову не пришло? Я, запутавшись в пледе и едва не упав, вскочила с дивана и метнулась к зеркалу в ванной комнате. Увидев свое отражение, я немного успокоилась. Нет, все же это я, а не тётя Аня. Все мое – и лицо с маленькой родинкой под левым ухом, и волосы, и одежда, между прочим, тоже. Я немного еще постояла, разглядывая себя в зеркале и вернулась в гостиную. Прилегла головой на диванную подушку. В голове как осы роились, хаотично наползая и толкая друг дружку, самые разные бредовые мысли.

Я сама не заметила, как уснула. Во сне мне приснился Арсений. Он вернулся из своей очередной командировки и приехал ко мне домой. Я почему-то не особо порадовалась его возвращению, но вида не подала. Арсений привез мне подарок – красивый золотой браслет на руку и все не мог застегнуть его на моем запястье. После нескольких попыток, браслет застегнулся, мужчина потянулся ко мне, чтобы поцеловать, обнял меня, прижал к себе. Только я собралась пожаловаться ему на все мои последние неприятности, как тут же проснулась. Проснувшись, я еще какое-то время продолжала жить в своем сне, да еще и переживала, что мама могла войти в комнату и увидеть, как я целуюсь с Арсением. Ну, все в голове перепуталось! Я вспомнила, что нахожусь в данный момент в Москве тысяча девятьсот восемьдесят девятого года, но мне уже и не шестнадцать лет и, даже, не тридцать.

Быстро вскочив с дивана, я опять бросилась в ванную, там на меня из зеркала снова испуганно смотрело мое взъерошенное отражение, собственной персоной. Почему-то я снова испугалась, что в зеркале увижу свою тётю Аню из Балашихи, хотя вчера ночью я и убедилась, что мои опасения оказались напрасными. Нет, тут все было в порядке, как и вчера. В тётю Аню я не превратилась. Меня перепутали с тётей только потому, что все так совпало. Просто на площадке свет вечером не такой яркий, а Димка вообще, никогда внимательным не был, баба

Клава была без очков, стало быть, ее подвело зрение. Так! Нужно срочно во что-то переодеться! Не могу же я ходить в одежде из двадцать первого века! В конце восьмидесятых тётя Аня так не одевалась. Да и мода тогда была совсем другая. Только умоюсь сначала, смою, слегка размазавшийся за ночь макияж, душ приму. Интересно, как мне жить дальше? Вот беда-то на мою голову свалилась!

Глава 7

Переодевшись после душа в мамино платье, которое я нашла в шкафу родительской спальни, я осталась весьма собой довольна. Я помню, как мама долго выбирала, что из одежды взять при переезде, а что оставить в Москве. Тогда она забрала с собой в Ленинград не всю свою одежду, поэтому, будет в чем мне здесь ходить. Хорошо, что мама у меня худошавая, как я, и ее одежда вполне мне подходит. Одной проблемой меньше. Проблема вторая – я ужасно голодна. Я же крошки в рот не брала с тех пор, как вчера во время обеда, на своей работе, не пошла в кафе, а просто выпила кофе, принесенное мне Машенькой. Хорошо хоть к кофе еще и печенье прилагалось. Впрочем, мой желудок о том кофе с печеньем давно забыл и упорно требовал пищи.

На кухне, в холодильнике нашлось немного еды, и я с благодарностью подумала о тётё Ане, что она не дала мне умереть голодной смертью. Присутствие в холодильнике продуктов говорило о том, что она здесь недавно побывала. В морозилке даже курица лежала, синеватого такого цвета, с длинными мосластыми лапами. Курица ничем не походила на бройлеров из моего настоящего времени. Но я помню, что такие неказистые отечественные куры были гораздо вкуснее тех, что я покупала в последнее время в наших, переполненных продуктами, магазинах. Держа за мороженные лапы перед собой курицу, я еще некоторое время с умилением разглядывала чудо советского птицеводства, затем бережно вернула ее в морозилку, решив, что мне сейчас не до курицы, да и варить ее нужно долго. Нескольких кусочков сыра и полбутылки молока вполне хватило, чтобы я почувствовала себя сытой. Жалко, что хлебница была пустая. Молоко было не кислое, куплено недавно, довольно вкусное. Я полюбовалась на стеклянную молочную бутылку и сполоснула ее. В те времена, кажется, бутылки сдавали. Не помню, так как самой мне сдавать бутылки не приходилось. Наверное, их сдавала мама. Так, а если тётя оставила работающий холодильник, то значит, она рассчитывала скоро вернуться. Тут я неожиданно вспомнила, что тем же летом восемьдесят девятого, тетя Аня училась на каких-то курсах повышения квалификации в Москве и задерживалась здесь не на один день. Это уже сложнее. Судя по тому, что в эту ночь она не ночевала в квартире, то курсы или закончились, или она ненадолго поехала к себе домой и может вернуться в любую минуту. Нужно быть осторожней. Да и заметит она непременно, что некоторые продукты из холодильника исчезли. Хорошо бы восполнить съеденное и выпитое мною.

Прибрав за собой на кухне, я пошла в гостиную порыться в стенном шкафу – нужно же было найти хоть немного денег, без них человек еще не научился обходиться. Коммунизм, как известно, тоже так и не наступил. В моей «детской», можно было не искать – там ничего интересного не было. Я еще вчера заглянула туда, но ничего впечатляющего для себя не увидела. Все, что представляло для меня интерес в те годы, и казалось, что без этих вещей мне никак не обойтись, я перетаскала постепенно тогда в Ленинград. Мы же с мамой частенько приезжали в Москву. По крайней мере, в мои каникулы и некоторые праздники. Я тщательно проверила шкафы, почему-то ощущая себя воришкой, но утешая себя тем, что нахожусь в своей квартире и ищу семейные деньги, а не чужие. Мои поиски увенчались успехом, только не в гостинной комнате. Деньги я нашла на холодильнике в кухне. Каким-то непостижимым образом вспомнила, что, приехав как-то на майские праздники вместе со мной, мама говорила тётё Ане, что деньги на оплату квартиры и непредвиденные расходы, она оставит как обычно – под деревянной хлебницей.

Там еще оставалась приличная сумма – аж сорок пять рублей! Они были аккуратно завернуты в целлофановый пакетик. Видимо, мама недавно приезжала и пополнила заначку. Я помню, что тогда это были очень приличные деньги. Поразмыслив немного, две синие пятерки и зелененькую трешку, я сунула к себе в сумочку, остальные положила на место, если оста-

нется – всё верну. Глупо, конечно, надеяться, что тётя Аня не заметит, что денег стало гораздо меньше, но и без денег я здесь ходить не могу. Мало ли что.

Я посмотрела в окно и увидела, что во дворе полно народу, день уже разгорелся вовсю. Особенно людно было на детской площадке. Все как в современном мире, только на площадке нет яркого игрового комплекса, состоящего из горок, качелей, карусели и так далее, установленного в мое время, здесь все попроще – в основном деревянное и незатейливое. И автомобилей, припаркованных во дворе, гораздо меньше. Это в наше время, стоит немного вечером задержаться, и машину ставить уже негде. Приходится нарезать круги, чтобы найти местечко для парковки, порой местечко отыскивается далековато от родного подъезда, а потом приходится переживать: как там машине моей стоится?

На подоконнике кухни я обнаружила подсыхающую герань в нарядном глиняном горшочке, наверное, тётя Аня забыла про цветы, а соседи не заходили, раз она жила в это время здесь. Я полила герань, проверила и напоила цветы на подоконниках в гостиной и «моей», детской комнате, затем стала думать, что мне делать дальше? Само собой, что первым делом нужно постараться вернуться в свое время, не могу же я тут оставаться! А как мне это сделать? Я совсем не представляю, что нужно для этого предпринять. А вдруг я обречена остаться в своем прошлом? Тогда мне нужно будет всю жизнь скрываться, как преступнику, потому что нас здесь две Синичкиных Кати: я сорока двух (ну, почти) лет из будущего, и шестнадцатилетняя девочка. Кстати, не нужно забывать, что совсем скоро, в начале июля, я тогдашняя, должна вернуться из Ленинграда вместе с мамой, чтобы сдавать экзамены в архитектурный институт. Не могу же я объявиться к ним, чтобы легализоваться. Уму непостижимо, как можно воспринять явление человека из будущего, да еще уверяющего, как будто он ваш родственник, а то и ты сам. А для Кати–подростка, то есть, меня тогдашней, это может вообще сказаться неизвестно чем. Так что это просто невозможно.

Выбор института решился из-за моего увлечения красотами архитектурных сооружений Ленинграда. Мне хотелось заниматься в будущем вопросами реставрации старины. Папа, а он сыграл одну из решающих ролей в моем выборе, одобрил мое решение. Он сам в свое время выбирал между профессиями архитектора и военного. Желание стать офицером и служить в армии, перевесило. Папа решил поступать в военное училище и связать дальнейшую жизнь с армией. А любовь к архитектуре у него осталась и, видимо, передалась мне. Брат мой Антон всегда хотел стать врачом, поэтому учился в медицинском, альтернативы для него не было. Врачом, в свое время, был мой дед с маминой стороны, это он заинтересовал внука медициной. Папа даже обижался, что его единственный сын не захотел пойти по его стопам – не стал военным. Надеялся, что Антон будет учиться хотя бы на военного врача, но сын поступил в гражданский медицинский институт. А я вот уперлась, что буду учиться только на архитектора и все! Мама не особенно одобряла мой выбор, считая, что в архитектурный поступают в основном мужчины и пыталась отговорить меня, подавать документы на «мужскую», по ее словам, специальность. Уговаривала меня тоже поступать в медицинский, как Антон, или в педагогический, как она сама когда-то сделала, но я этого совсем не хотела. Я тогда была довольно упряма и упорна в своем выборе и ничьих аргументов категорически не признавала. В конце концов, мама смирилась и сказала, что на время моего поступления в институт, она тоже со мной вернется в Москву. Уговорить меня поступать учиться в Ленинграде им не удалось потому, как Боря намекнул мне, что его могут перевести с Дальнего Востока ближе к Москве, в Кубинку. Это и решило мой упрямый выбор. Конечно, о главном моем аргументе учиться именно в Москве, а не Ленинграде, я родителям не говорила. К тому времени молодому лейтенанту пришла пора возвращаться в свой гарнизон, а мне – ехать с мамой домой, в Москву. Мама собиралась в конце лета вместе с папой вернуться обратно в Ленинград, а ко мне должна была приехать бабушка, чтобы дитячко, то есть я, живя без родителей, не понаделало глупостей.

Бабушка и приехала в сентябре, до этого закончив дела с огородом в деревне. Мама вернулась с отцом в Ленинград, как только стали известны результаты сдачи вступительных экзаменов и были вывешены списки поступивших в институт. У папы как раз подошел к концу отпуск. Тогда я, каким-то чудом, умудрилась с первого раза поступить-таки в архитектурный институт. Началась моя студенческая жизнь. Боря, как и обещал, перевелся в Кубинку, только это случилось не быстро, как нам хотелось бы, а лишь весной. До этого мы только переписывались и разговаривали иногда по междугороднему телефону. Я ждала его к Новому году, но Боря приехать не смог.

Мне было интересно полистать фотоальбомы, лежащие в шкафу, они вернули меня в мое детство и юность. Между прочим, многие из этих снимков находится сейчас со мной в моем современном мире, по крайней мере то, что мама не увезла с собой в деревню. Я включила телевизор, пощелкала переключателем. Везде показывали примерно одно и то же: прошедший не так давно первый съезд народных депутатов, коротко говорили о волнениях на угольных шахтах. Мелькнуло лицо Ельцина. Вспомнили об аварии на подводной лодке «К-131». Ничего позитивного. Все как в моей современности – не успеешь проснуться, включить телевизор, чтобы быть в курсе новостей, как на твою голову опрокидывается вагон устрашающей информации: там убили, здесь захватили, тут отняли, угрожали, избивали, арестовали. А еще аварии, катастрофы, свержения и так далее. Лучше и не включать телевизор с утра вовсе. Зато в телевидении прошлого есть большой плюс – не мелькает постоянно, надоевшая всем, реклама. Я посмотрела еще немного и выключила телевизор. Мне захотелось немного повспоминать о своем прошлом, и я вновь вернулась к фотографиям.

Звонок в дверь прервал мои занятия. Пришла баба Клава, принесла мне большой румяный кусок пирога с капустой, пить со мной чай отказалась, заявив, что только что из-за стола. В этот раз она была в очках, и я старалась не смотреть на нее в упор, чтобы она не распознала своей ошибки. Все-таки я не тётя Аня. Выспросив меня о моем самочувствии после вчерашнего, она опять принялась жаловаться на непутевого внука:

– Вчера этот непослушный мальчишка вернулся во втором часу! Ты можешь себе представить! Я глаз не сомкнула, пока он не заявился домой. Вот мало ли, в компанию какую нехорошую попадет. Долго ли мальцу ошибиться! А машин сколько на улице? Они же вечно мчатся, не дай бог собьют! А я – переживай, где он, да как. И где он шляется, спрашивается?

– А что он говорит? – для формы спросила я. Уж я-то великолепно знала, где шлялся в то время ее внук. Помнится, мне, он уже тогда не отходил от Насти, не помню ее прежней фамилии. Я с ней не училась, она была одноклассницей Димки, и к тому времени из обычной, ничем не примечательной девчонки, превратилась в настоящую красавицу. Как такую не заметить? Я, между прочим, ей даже завидовала. Особенно ее стройной фигуре, сама-то тощевата была всегда.

– Да он-то говорит, что к экзаменам в институт с Генкой готовятся. Засиделись допоздна. Правда ли? Кто же ночью готовится?

Я пожала плечами. Сказала, чтобы она не беспокоилась, ведь Димка хороший парень и с головой у него все в порядке. Скоро вернутся его родители из отпуска, и все встанет на место. Баба Клава недоверчиво покачала головой.

– Вот некстати им путевки от профсоюза выдали. Не вовремя.

– Им тоже отдыхать нужно, – вступилась я за Димкиных родителей.

– Нужно. Вот, если бы Катюша ваша в Ленинград не уехала, так и он бы никуда не бегал. И мне бы спокойнее было. Нужно поступать учиться, а у него одни гулянки на уме. Не поступит – в армию заберут, хорошо хоть из Афганистана наших еще зимой вывели, а то так страшно за мальчишек было. Все равно не спокойно, вон, везде волнения, не спокойно совсем на улицах.

– Так Катя надумала в Москве поступать учиться, а не в Ленинграде. Мне Лида звонила и говорила, – сказала я осторожно.

Баба Клава обрадовалась, назвала Катю—выпускницу, хорошей девочкой и поведала мне, то есть тётё Ане в моем лице, по секрету, что Димка был раньше сильно влюблен в меня, только скрывал свои чувства, и после моего отъезда очень долго не находил себе места – переживал. Даже рвался после девятого класса в Ленинград уехать, в мореходку поступать. Чемодан втихомолку собрал, мать и обнаружила, паспорт спрятала. Еле тогда Димку отговорили.

Ничего себе! Вот это новости! Я об этом ничего не знала. И когда я об этом должна была узнать? Сколько лет прошло, а Димка даже ни разу не обмолвился в своей давней любви ко мне, даже не намекал. Хотя я на него тогда, кроме моей недолгой к нему влюбленности в младших классах, когда мы приезжали из гарнизонов в отпуск, внимания вовсе не обращала. Сосед и сосед. Кстати, тогда, в восемьдесят девятом, он в институт не поступил и работал какое-то время в автомастерской. Не зря баба Клава переживала. Учиться он поступил через два года, вернувшись из армии. Ну, пока соседке незачем об этом знать. Сейчас-то Димка уже давно стал Дмитрием Сергеевичем. Виделись с ним недавно, совершенно случайно оказались вместе на книжной выставке. Он там был с женой, той самой Настей, так что все в порядке с ним. Вообще-то мы на одной площадке так и живем, но у них есть еще и большой загородный дом, летом Димкина семья, в-основном, живет там и встречаемся мы очень редко.

– Что-то ты какая-то другая, – вывела меня из раздумий баба Клава. – С Мишей что? Или с сыном? Забота у тебя какая-то на лице, оно изменилось, осунулось, ты похудела и волосы постригла? Осветлила? Я только сейчас заметила.

Я опомнилась, сказала, что с Мишей все в порядке (Миша – это тётё Анин муж, с которым она лет через пять разведется, потому что он начнет безобразно пить, потеряв работу), с сыном тоже все хорошо. Прическу действительно изменила, постриглась.

– Тебе идет. Помолодела, платье тоже красивое. На Лиде его видела.

– Да, она его мне отдала, совсем новое, неудачно купила – слегка мало оказалось. А мне как раз.

Баба Клава похвалила мое платье и, спохватившись, что пора Димку обедом кормить, иначе убежит, поев всухомятку, ушла. В дверях спросила надолго ли я в этот раз? Я честно ответила, что не знаю. Есть в Москве еще дела.

Я закрыла за соседкой дверь и заторопилась, собираясь выйти из дома. Нужно поторопиться, так и целый день впустую пройдет, а я не найду выхода из сложившейся ситуации. Порылась в своей сумочке, с тоской перелистала свой, не нужный здесь, паспорт, обнаружила в кармашке сумки таблетки от головной боли, выпила одну на всякий случай, порошок от простуды разводить поленилась – вроде болезнь отступила, наверное, у меня просто голова болела вчера. Подумала немного и достала из сумочки взятые мною деньги. Одну пятерку и трешку я со вздохом вернула обратно под хлебницу, решив, что и пяти рублей пока хватит. Уже на пороге квартиры вспомнила, что вчера расплачивалась с таксистом такими же деньгами. Пошарив в кармане юбки, которая вчера была на мне, я вынула оставшиеся деньги. Ого! У меня есть еще двенадцать рублей! Хоть какая-то польза от странной старушки из парка. Хорошо.

– Ну, давай, Катерина, пойдём! – сказала я самой себе вслух, запирая дверь на ключ.

Лифт к этому времени починили, и он, скрепя и тихо постанывая, спустил меня вниз. «А старушка-то в парке знала, что мне понадобятся деньги советских времен, – вдруг пришло мне в голову, когда я выходила из подъезда. – И никакая она не наводчица, а ведьма! Это она меня в прошлое отправила!» Только ведьма могла узнать все мои сокровенные мысли и отправить меня в такое «путешествие». Поневоле начнешь верить в нечистую силу! Только вот зачем она это сделала? Зачем ей это понадобилось? Точно – ведьма! От этой внезапной догадки, я резко остановилась на крыльце и немного постояла, приходя в себя и раздумывая. Со мной поздоровалась молодая женщина, заходившая в подъезд, держа за руку маленького чумазого мальчика. Я машинально ответила на приветствие, и быстро пошла со двора, стараясь не глядеть по сторонам и не привлекать к себе внимания. Еще встречу кого-нибудь! Самое главное – не

встретить тётю Аню. Должна же она приехать, раз оставила включенным холодильник и продукты в нем. Если она меня увидит, то что произойдет? Лучше не надо пока об этом думать.

Первым делом я решила съездить во вчерашний гастроном, супермаркетом сей магазин не назовешь, а вдруг получится найти нужную мне дверь, через которую я проникла в прошлое? Тогда я наверняка смогу через нее вернуться обратно в мое, казавшееся теперь мне таким милым, понятным и желанным, время. По крайней мере, там я могу быть сама собой, а не тётей Аней. Тут на память пришло слово «портал», вроде так называется в фантастических произведениях проход, через которое можно проникать в параллельные миры. Так-то в параллельные, а я в прошлом! Это же не одно и то же! Там я хоть соответствовала бы своему настоящему возрасту. А теперь как мне быть? Постоянно притворяться тётей Аней? Без денег, без советского паспорта. Вдруг, кому-то вздумается документы у меня проверить! Вот, как вчера, в милиции. Хорошо, что догадалась соврать, будто дома его оставила, а они мне поверили. И что, если кто спросит? Я предъявлю из сумочки свой российский паспорт с двуглавым орлом? Другого же нет! Советские паспорта были совсем другие. Вдруг я навсегда останусь здесь? Где мне жить, когда мои все вернуться, притом со мной, шестнадцатилетней? И на что мне жить? На работу мне не устроиться без паспорта и других документов. Документов об образовании наконец! Можно, конечно, амнезию разыграть, будто не помню кем я являюсь, так кто же мне поверит? Раздумывая обо всем этом, придумывая для себя различные варианты существования здесь в случае неудачи с возвращением в свой мир, я совсем скисла и расстроилась.

Дойдя до проезжей части, я задумалась, припоминая, как мне можно добраться до вчерашнего гастронома. Можно было, конечно, найти такси и доехать без проблем до нужного места, этот способ был бы самым простым, но деньги нужно экономить, еще неизвестно, сколько времени мне придется здесь задержаться, хотя мне упорно не хотелось думать, что могу остаться здесь навсегда. Должен же быть выход, и я найду его непременно! Нужно просто успокоиться и настроить себя на позитив.

Хорошо, я же знаю, где находится самая близкая мне станция метро «Авиамоторная»! Да она же совсем недалеко! Вот, что значит, перестать пользоваться метро каждый день. С тех пор, как сама села за руль, я, в основном, езжу на машине. Машины теперь у меня нет, поеду, значит, на метро. Таким образом, я решила проблему дороги и уже бодрым шагом зашагала к станции «Авиамоторной», то и дело останавливаясь поглазеть на что-нибудь. Согласитесь, все же очень интересно было вспомнить свое прошлое и какая была жизнь в те годы. У киоска «Союзпечать» я долго рассматривала журналы и газеты, то и дело пропуская покупателей. Продавщица, в конце концов не выдержала, и недовольно спросила:

- Девушка, Вы брать что-нибудь собираетесь?
- На обратном пути, – ответила я, – непременно возьму.

Зайдя в метро, я приобрела на всякий случай сразу два жетончика – вдруг, придется возвращаться обратно? Спустившись на эскалаторе, я дождалась нужного поезда и зашла в вагон. Народу было немного. Я с удовольствием рассматривала исподтишка попутчиков. Мало что изменилось с тех пор. Просто люди одеты по-другому, многие также сидят, уставившись в книжки и газеты. Только читают не с экранов телефонов и других гаджетов, а листают настоящие, печатные книги. У некоторых читателей, книжки бережно обернуты в газетные листы. Про создание мобильных телефонов и прочего, мои попутчики еще и не догадываются. Мне даже стало весело от того, что я представила себе, как же я много знаю по сравнению с ними! Если бы я сейчас вынула из сумки свой мобильный телефон и начала тыркать в него пальцами, то, наверняка, ввергла бы многих в ступор, только вот досада, остался он у меня в машине. Да и толку, возиться с ним, не было бы никакого. Сотовой связи-то и интернета пока еще нет. Ага, а вон какие-то неформалы, одетые весьма несуразно. И стрижки у них диковинные, словно они специально хотят выделиться из толпы. Ну, одежда та ещё – что смогли достать, то и носят. В глазах парней какой-то дерзкий непонятный вызов, словно они не согласны ни с кем и ни с

чем, и готовы в любую минуту начать задираться, даже драку начать. Я быстро отвела от них глаза – лучше не нарываться на неприятности и не привлекать к себе внимания. К счастью, скоро парни с шумом вывалились из вагона на нужной им станции.

Глава 8

Поднявшись на поверхность, я дворами прошла к нужной улице и поднялась по ступенькам в гастроном. Супермаркетом его никак не назовешь – не тянет он еще на супермаркет моего времени, слишком скуден выбор товаров. Сегодня магазин ничем не отличался от того, что в нем творилось вчера. Уже не торопясь, я прошла по отделам, с интересом разглядывая витрины и людей. Да уж, опять везде очереди. Кстати, если дверь не найдется, нужно будет что-нибудь купить себе на обед и ужин. Соседский пирог я съела перед выходом – не удержалась. Было очень вкусно. В гастрономическом отделе люди скупали сахар и муку, я услышала, как продавщица предупреждала, что больше двух кило в руки, она давать не будет. В мясном сегодня давали тех же кур и тушенку в банках. Вообще на витринах, в основном, консервы и стояли. Я вспомнила, как мне нравились болгарские голубцы. Они мне казались очень вкусными. Нужно будет купить, ага, вон стоят! Пока я глазела на витрины в мясном отделе, незнакомый парень опять вынес рубленое мясо и толпа мигом сгруппировалась вдоль витрины и закрыла весь обзор.

Возле двери в подсобные помещения, меня остановила худая женщина в темном синем халате. Голова у нее была повязана капроновой линялой косынкой. В одной руке женщина держала как копьё швабру, с намотанной на нее мокрой мешковиной, в другой – большое цинковое ведро с грязной водой.

– Тебе чего? – спросила она меня, заслонив своим телом дверь.

– Мне это... – замешкалась я, не зная, чего бы придумать поправдоподобнее. Не рассказывать же ей, что я хочу найти ту самую дверь – портал, который смог бы доставить меня обратно домой. Все равно не поймет, да еще и шум поднимет.

– Чего, это-то? К Анне Петровне что ли?

– Ну да, – обрадовалась я, хотя и совсем не представляла, кто такая эта Анна Петровна, – к ней, к Анне Петровне.

– Придержи дверь, – деловито сказала уборщица, – Михеич, чтоб ему пусто было! Такую пружину тугую навесил, не поверишь, зайти не успеваю, бьет по спине, руки-то вечно заняты. С утра вот уже ведро разлила, пришлось лужу собирать. А оно мне надо? Мне и без этого работы хватает!

Я с готовностью придержала дверь, пропустила вперед, громко ворчащую женщину с ведром, и скользнула за ней сама.

– Ну, вон там ейная дверь. Табличка там еще есть. Сама дойдешь? Мне еще два отдела мыть.

– Дойду, – обрадовалась я перспективе без лишних глаз побродить по коридору. – Спасибо.

Через минуту я услышала, как из крана в туалете хлынула вода и неясно возмущенно забормотала уборщица. Следом загрохотало ведро. Я быстро прошла мимо помещений, которые меня не интересовали. Также я миновала дверь с табличкой: «Директор». Ага, видимо, Анна Петровна и есть директор. Туда мне не надо. Я подергала за ручки все двери, показавшиеся мне нужными, но ни за одной из них я не увидела продолжения магазина в моем настоящем времени. Все это были какие-то подсобные помещения, отдел кадров, бухгалтерия, некоторые из них были заперты. В самом конце коридора, откуда я ввалилась в восемьдесят девятый год, никакой двери не было. Я даже стену потрогала руками, глупо надеясь, что дверь обнаружится.

Я медленно повернулась, чтобы идти обратно. Ничего не получилось! Сказать, что я расстроена, значит, ничего не сказать. Из дверей туалета показалась давешняя уборщица с ведром чистой воды и той же шваброй.

– Чё сказала? – спросила она меня. – Берет?

– Кто? – грустно поинтересовалась я.

– Так Анна Петровна же! Чё, не взяла? – уборщица с грохотом поставила ведро, немного воды при этом выплеснулось на пол, швабру прислонила к стене, та тут же упала. – Пошли!

Она подвела меня к двери с табличкой «Директор», открыла дверь и, можно сказать, силой втолкнула меня в кабинет.

– Анна Петровна! – напористо с порога начала женщина, – Вы опять? Почему опять не взяли человека? Уже третью отправляете обратно. Я тоже уйду. Вот помяните мое слово! Никаких сил не хватает уже одной вымывать весь магазин! Вы же обещали!

Уборщица решительно выступила вперед и, даже, воинственно уперла руки в боки. Весь её вид выражал сейчас крайнее возмущение. Глаза её метали искры. По-моему, у неё даже ноздри трепетали от гнева.

Директор, в момент нашего вторжения, поливала из графина цветы на подоконнике. Она обернулась, и мне показалось, что в ее глазах сверкнула на мгновение какая-то радость, как будто она мне обрадовалась. Анна Петровна вытерла руки о вафельное полотенце, висящее на трубе батареи и подошла к своему столу.

– Успокойся Тоня. Никого я сегодня не выгоняла, иди, работай спокойно, сейчас всё решим, дай послушать человека. – Она села на свое допотопное кресло за стол.

– Так ты, чё, не заходила сюда ещё что ли? – обернулась ко мне уборщица, с выражением явного недоумения на лице. Я отрицательно помотала головой. – А чё ходила тогда? – она развела руками и хлопнула себя по бедрам.

Я робко пожала плечами.

– Тоня! – окликнула её директор. – Иди, мы сами разберемся.

Директор жестом показала мне на стул возле стены. Тоня потопталась еще немного возле двери, но Анна Петровна при ней говорить не спешила. Она начала складывать в стопочку какие-то бумажки на столе. Пауза затянулась. Директор выразительно глянула на свою сотрудницу.

– Вы уж скажите Михеичу, чтобы он пружину на двери поменял, а то сколько можно биться об неё! – не вытерпела и оставила свои слова последними строптивая уборщица. Затем она вышла и с силой захлопнула за собою дверь. С потолка свалилось немного штукатурки.

– Вот, такие вот кадры, – улыбнулась директор, – уволить жалко, детей у нее трое мал мала меньше и муж пьющий. Работает она хорошо, только трудно ей одной и здоровье не очень хорошее. На работу хотите устроиться?

– Я? Нет, пока не думала, – растерянно призналась я. На тот момент я совсем не собиралась оказаться в кабинете директора магазина по поводу устройства на работу. Просто уборщица этому поспособствовала.

– А чего пришли тогда? – пристально посмотрела на меня Анна Петровна.

Не рассказывать же ей, что у меня есть свой интерес, чтобы побродить во внутреннем коридоре гастронома. Еще сумасшедшей признает, рассердится и выгонит, и не видать тогда мне возможности повторить мою попытку возвращения в свое время. Я немного подумала и решила:

– Впрочем, работа мне нужна. А что, можете взять?

– Возьму, – улыбнулась директор, и мне вдруг показалось, что я ее уже когда-то видела, мелькнуло в ее лице что-то знакомое, – уборщица мне нужна, сами слышали. Тоня осталась одна, Валя в декрете, Лиза ногу сломала на прошлой неделе, на долгом больничном теперь. Нужен еще один работник. Пойдете?

Пойду ли я? Я опять задумалась. Конечно, есть еще надежда на чудесное возвращение домой или я могу просто проснуться от долгого сна в своей квартире в пятнадцатом году. А вдруг, нет? Вдруг не вернусь и не проснусь в своей кровати, что тогда? Тогда надо как-то устраиваться. Хвалиться своим дипломом архитектурного не могу – диплом остался в той

жизни. Обрадуешься теперь и месту уборщицы, лишь бы взяли. Деньги мне понадобятся, жить-то на что-то надо, может, квартиру какую снять нужно будет или, хотя бы, комнату.

– У меня паспорт украли, – нерешительно сказала я, не собираясь предъявлять ей свой настоящий документ.

– С паспортом подскажу что делать, а пока новый дадут, так будешь работать. – Директор продолжала спокойно смотреть на меня. – Москвичка? И прописка есть?

Я кивнула, не подумав о том, что прописка у меня в современной мне Москве, а не здесь. Пора уходить, сначала нужно все серьезно обмозговать, сейчас все равно ничего в голову путного не лезет. Но упускать возможность вновь пройти во внутренний коридор магазина завтра, я не могу, просто не имею права, если не хочу вынужденно застрять здесь.

– Я подумаю, можно? Я завтра Вам скажу. Э–э... Мне нужно посоветоваться.

– Можно, приходите к двум часам, меня с утра не будет, в управление еду.

Я пообещала, что обязательно приду и, пятясь потихоньку задом к двери, выскользнула в коридор. Еще раз пробежала в его конец, убедилась, что злополучная дверь там так и не появилась, и в растрепанных чувствах пошла на выход.

Глава 9

Чудесный летний день уже плавно приближался к вечеру. Постояв на крыльце гастронома несколько минут, я медленно спустилась и пошла через дорогу в парк. Парк несколько отличался от того, в котором я буквально вчера, опрометчиво решила посидеть на лавочке, и познакомилась со старушкой, но, в целом, все было примерно так же: по дорожкам носились дети, прогуливались отдыхающие, сидели по лавкам пенсионеры. На месте, где я сидела вчера, лавочки не было, я прошлась немного вперед и села на свободное место рядом с маленькой девочкой, евшей эскимо, и ее мамой. Девочка осторожно откусывала холодное лакомство, лукаво поглядывая на меня синими глазками, и при этом весело болтала ногами в красных сандаликах. Мама её читала книжку. Когда она положила томик на лавочку, чтобы носовым платком вытереть дочке, измазанное мороженым личико, я успела прочитать на обложке: А.П. Чехов «Рассказы и повести». Надо же! Я тоже время от времени перечитываю Чехова. Очень люблю его произведения, они всегда кажутся мне еще не читанными, хотя я и узнаю знакомые мне лица и сюжеты. Пожалуй, Чехов – один из самых мною любимых классиков.

Через некоторое время мама с дочкой поднялись и ушли, а я стала выглядывать, где продают мороженое. Поднялась с лавочки и прошла вперед, увидела небольшой киоск, где торговали мороженым и лимонадом. Без лимонада я как-нибудь обойдусь, хотя и хочется вспомнить его вкус, а вот от мороженого не могу отказаться. Я подумала и купила себе такое же эскимо, какое ела маленькая девочка. Присев на лавочку неподалеку от киоска, я с нетерпеливым вожделением сняла обертку с мороженого и с удовольствием съела его, жалко, что оно быстро закончилось. Надо же! Какое оно раньше было вкусное! На самом деле – сливочный вкус, как любят вещать в рекламах моего времени. По сравнению с этим вкусом, сливками в моей реальности, от мороженого даже и не пахнет. Наверное, и вправду тогда обходились без искусственных добавок. Вдруг, мне показалось, что мимо меня прошла вчерашняя знакомая, Ксения Сергеевна. На ней была такая же белая ажурная шляпка. Я торопливо, по-детски, вытерла руки о подол платья, быстро вскочила и кинулась вслед за ней.

– Простите, Вы не...

Женщина обернулась, и я увидела, что это никакая не Ксения Сергеевна, а просто похожая на нее бабуля.

– Простите, я обозналась.

Старушка добродушно кивнула и побрела дальше, а я, в большом разочаровании, опять плюхнулась на лавку. А ведь действительно, бабка-то вчерашняя была непростая! Что-то слишком много она обо мне знала. Вот откуда? Откуда она узнала мельчайшие подробности из моей жизни? Кто мог ей рассказать обо мне? Да никто! Просто, она точно ведьма. Уж про Арсения она никак не могла знать. Про него я еще даже маме толком не успела рассказать, сколько бы она меня о нем не расспрашивала. Я не торопилась знакомить маму со своим мужчиной, хотя уже допускала, что выйду за него замуж. Впрочем, мы с ним очень давно знакомы, учились когда-то в одном институте, только на разных факультетах. Он строитель, у него своя фирма по строительству и ремонту коттеджей, бань и так далее. Два года назад случайно встретились на дне рождения общего знакомого в ресторане, узнали друг друга, повспоминали студенческие времена и, с тех пор, Арсений начал за мной серьезно ухаживать. Прошло некоторое время и я, с подачи подруги Сонечки, понемногу стала привыкать к мысли, что вполне могу выйти за него замуж. Надо же уж когда-то определяться. Хотя я и привыкла жить одна, с дочерью.

Опыт выхода замуж у меня имелся, правда давний. Замужем я была ровно год сразу после окончания института. Муж тоже был бывший студент, звали его Константином. Любовь у нас быстро прошла, а может, ее и вовсе не было, я просто как-то обнаружила, что, Костя встре-

чается с другой женщиной со своей работы. Я увидела их случайно на улице и мне все сразу стало ясно. Это стало толчком к действиям, я словно проснулась и, благополучно развелась с мужем без всяких скандалов. Даже, можно сказать, с каким-то облегчением на сердце, что нашлась наконец причина, по которой я могу расстаться с Костей. Хорошо, что ребенка тогда не успели родить. Я не особо расстроилась из-за измены мужа, потому что выскочила за него замуж только после того, как узнала, что летчик Боря женился в своем гарнизоне на чьей-то дочке. Назло Боре, можно сказать, вышла замуж. Какая уж тут любовь? За год семейной жизни я так и не смогла ни привязаться к Константину, ни почувствовать к нему хоть каких-то сильных чувств. Просто просуществовали рядом год и все. Хорошо, хоть вовремя поняла, что мужчина, спящий со мной в одной кровати и зовущийся по документам моим мужем – совсем не мой.

После развода случались у меня связи, но ни одна из них не закончилась загсом. Не скажу, что предложений руки и сердца не было. Киру родила от женатого человека, он даже не узнал, что дочка его и до сих пор не знает. Я не захотела ломать, в общем-то вполне благополучную семью этого мужчины, тем более, что они давно живут за границей. Теперь вот Арсений. Соня ругает меня, говорит, что так я останусь одна, надо выходить в конце концов замуж, пока бабкой не стала, и совсем одна не осталась, когда у Киры своя семья появится. Соня, конечно, права. Я вполне сознаю, что Арсений не самый плохой вариант. Даже наоборот, из всех моих бывших, он – самый стоящий. Он мне очень нравится, мне с ним хорошо и спокойно. Нравится представлять его моим друзьям и знакомым в качестве своего близкого друга. Арсений несколько раз делал попытки повести меня в загс, но я до сих пор все откладывала свое согласие. Все жду чего-то... Чего жду? В конце концов, можно жить и без штампа в паспорте, но Арсений настаивает на женитьбе, в этих вопросах он старомоден. Наконец, перед последним отъездом Арсения в командировку, я сказала ему свое «да». Мне сорок два года на днях! Мама и отчим (после внезапной смерти отца пять лет назад, мама вышла замуж за бывшего папиного сослуживца Ивана Кузьмича, с которым его связывала многолетняя дружба, и они уехали жить в бабушкин дом в деревню, оставив меня с Кирой в квартире одних, надеясь, что так я быстрее устрою свою судьбу), замучили вопросами и советами о замужестве, даже требовали внука. Это в моем-то возрасте! Скорее от Киры им нужно ждать правнуков, хотя, надеюсь, до этого еще есть несколько лет. Ей же только шестнадцать будет скоро. А вообще... Арсений уже намекал, что не отказался бы от нашего ребеночка, на что я только смеялась и отмахивалась. В наше время и после сорока рожают, это правда. Очень хочется иногда взять на руки собственного малыша, ведь Кирочка уже так давно перестала быть маленькой. Вероятно, Арсений и смог бы стать хорошим отцом. От первого брака у него есть десятилетний сын, которого он часто навещает и поддерживает. Правда, Кира его, как маминого жениха, не очень-то жалует. Я, конечно, догадываюсь, что она меня просто ревнует к нему. Да и Соня утверждает то же самое. Дочке я еще не сказала, что дала Арсению надежду стать его женой. Почему-то боюсь ее реакции.

Впрочем, чего это я? О чём я вообще думаю? Какой Арсений? Где он? Ау! Он-то в той, настоящей жизни, а я здесь, где мне не следует находиться вовсе. Конечно, Арсений здесь тоже существует, но он еще совсем молод и никаких планов в отношении меня строить и не думает, да он и вовсе еще со мной не знаком, а только собирается ехать сдавать экзамены в московский институт из славного Нижнего Новгорода.

Скоро я, та, другая, бывшая школьница, вернусь в Москву, куда тогда деваться мне, настоящей, взрослой женщине? Придется срочно подыскивать выход из положения. Не могу же я оставаться маминой сестрой, она же тоже где-то рядом, и в любой момент может объявиться и увидеть меня. Сегодня вторник, очень хочется надеяться, что раньше выходных тётя не приедет – она же работает в будние дни. Я тоже, между прочим, должна быть на своей работе! А ещё мне необходимо будет получить паспорт, а как это сделать, и на чье имя? Анна Петровна

обещала посодействовать, но, тогда придется называть имя или тётки Ани, или мамы. Только они соответствуют моему возрасту и имеют прописку. Мама прописана в Москве, а тётка Аня в Балашихе. Наверняка паспорт просто так не выдадут, нужны же сведения, а в паспортных отделах милиции они есть.

Я решила немного прогуляться по Москве, интересно же, что сейчас здесь творится? Много уже забылось, осталось в далеком прошлом, ставшим для меня вновь настоящим. Опять спустилась в метро и проехала до Арбатской. Девочкой я очень любила там бывать. Мне нравилось подолгу наблюдать как работают на пешеходном Арбате уличные художники. А уличные музыканты! Как приятно постоять и послушать, как они играют и поют живую, без всяких фонограмм. Здесь и танцоры, и актеры и фокусники! На улице народу много, ходят, глазают, как и я. Художники сидят себе на раскладных стульчиках, рисуют на своих мольбертах портреты для всех желающих. Кто красками, кто карандашами. Хотя, художники пишут, а не рисуют. Готовых картин тоже много – выбирай, покупай любую. Оказывается, и тогда здесь было много туристов. То и дело слышится чужая речь. Иностранцы могут купить здесь любой, понравившийся им сувенир – от старой открытки до натуральных мехов, или настоящей антикварной вещи.

Я то и дело останавливалась полюбоваться на работу художников и выступления артистов. Пожалуй, художников на Арбате не меньше, чем гуляющих по нему. Я и сама неплохо рисую, потому и архитектурный был мною выбран не случайно, умение рисовать и живое воображение, мне очень пригодилось в учебе, а потом и в работе – стала работать дизайнером. Ах, как здорово, что мне представилась возможность все заново увидеть! Впрочем, кто же мне поверит, если я расскажу обо всем этом, при возвращении обратно? Если это возвращение состоится конечно.

Современный Арбат двухтысячных уже не такой, он сильно изменился. Стал более ухоженным что ли. Цветным, нарядным. Да только я давно уже там не гуляла. Все некогда. Здесь попроще, рядом со старинными домами приткнулись разные киоски, то «Пепси-Кола», то «Шашлыки», прямо на улице продается разная всячина – одежда, книги, журналы, сувениры. Все это богатство разложено прямо на столиках, а то и на клеенке на земле, словно на блошином рынке. Торгуют и с рук, если приглядеться. Даже старины много. Некоторым вещам самое место в антикварных лавках. Я с интересом, как специалист, разглядывала витрины – оформлены в те годы они были, конечно, незамысловато. Что имелось в наличии, тем и оформляли. Да и не учили этому вовсе. То тут, то там кучкуется народ и слушает стихийных ораторов, призывающих к новому. Слышны недовольные ноты и критика существующего порядка в стране. Ага, тогда уже это допускалось вполне, перестройка же который год! Будь она неладна! Это я сейчас понимаю, что не все хорошо пошло в этой перестройке, а пока, в восемьдесят девятом году, многие весьма воодушевлены, ждут грандиозных перемен, радуются как дети, что могут поорать в свое удовольствие разные лозунги и ничего им за это не будет. Люди надеются, что наконец-то заживут как хотят. Хотя мало кто хорошо представляет, как именно им хочется жить, оттого и придут скоро страшноватые девяностые. И не все так плохо было в нашей советской стране, но об этом догадаются только через несколько сумасшедших лет.

Нагулявшись по Арбату, я поняла, что сильно устала, да и есть уже хотелось. В одном из близлежащих переулочков мне попалось небольшое кафе, где я вполне недорого, и хорошо поела, купив два больших пирожка, один с картошкой, а другой с рыбой и стакан кофе. Этак, на пирогах, я совсем раздобрею и точно перестану влезать в мамину одежду! Я же еще утром пирог с капустой умяла, что баба Клава занесла. Ну, да ладно. Кофе оказалось так себе, а вот пирожки были очень вкусные. Я еще хотела было взять пирожное, но вовремя остановила свой гастрономический порыв и решила сэкономить.

Да, в эти времена уже стали появляться кооперативные кафе. Я помню, как будучи студенткой, частенько забегала с подружками перекусить в такие вот незамысловатые точки обще-

пита. В кафе работал телевизор, и опять показывали не очень радостные события, происходящие в стране. Узнала молодого еще Горбачева, говорил весьма убедительно. Все о перестройке. Я подумала, что если бы не поддержали депутаты горбачевские идеи о перестройке, то и страна развивалась бы по-другому? Интересно, а как? Может, до сих пор мы жили бы в Советском Союзе, не закрывались бы друг от друга границами бывшие союзные республики. Может, просто по-новому стали бы строить свои отношения с миром. Вон, китайцы же не отошли от социалистических и коммунистических идей, и ничего, живут неплохо, развиваются бурно, все умеют, всему научились не хуже других, а то и лучше.

Я вытерла губы и руки, достав из стаканчика, стоящего на столе, нарезанные треугольником, в целях экономии, салфетки, и вышла на улицу. День упорно клонился к вечеру. Скоро темнеть начнет. Как быстро летит время! Не успеешь проснуться – уже обед, а там и вечер. Боже! Я вдруг подумала о том, что обо мне могли подумать мои коллеги по работе. Они же ничего не знают. Я не вышла на работу и никого не предупредила, что не приду. Откуда же я могла знать, что такое со мной приключится. Потерять меня могли только они. Кирка у бабушки, не знает, что мать исчезла, и домой не вернулась с работы, разве что звонить мне станет, а я не отвечу, может забеспокоиться обо мне. Вот то, что я не явилась на работу, несмотря на то, что у нас важный и очень капризный заказчик, конечно вызовет в офисе недоумение и разные толки. Обычно я сама стараюсь вести все сложные заказы, мой заместитель Олег делает это только в экстренных случаях и в мое отсутствие. Например, если я заболела, или уехала куда. Ну, что же, Олег Иванович – хороший специалист, он все проведет в лучшем виде, да он и видел, что я неважно себя чувствовала накануне, сам же и советовал отлежаться дома дня три. Да и команда у нас подобралась отличная – справятся. А про меня, наверное, так и подумают, что я заболела. Дня три без беспокойства у них есть. Тем более, что уже был случай в прошлом году, когда я, не успев оставить никаких распоряжений на работе, улетела с Арсением в Канаду на целую неделю.

Как-то вечером, он приехал ко мне уже с билетами на самолет, и не дал мне возможности даже подумать, лететь с ним или нет. А мне так захотелось тогда сменить ненадолго обстановку, увидеть страну, в которой я никогда не бывала, что я поддалась. Все получилось спонтанно. А на работе – ничего, справились в лучшем виде. Правда я им то и дело звонила. А теперь что делать? Телефона мобильного нет, да и пробовал ли кто-нибудь звонить из прошлого в будущее? Уверена, что нет.

Я медленно, в раздумьях, дошла до станции метро «Смоленская» и поехала домой. Жетончик пригодился, как я и предполагала. Поднявшись на своей станции наверх, решила по пути зайти в ближайший гастроном и пополнить запасы в холодильнике. Я подумала, что не стоит удивлять, внезапно заявившуюся в мое отсутствие тётю Аню, разнообразием продуктов, поэтому купила только сыр и молоко, взамен выпитому и съеденному мною. Еще я взяла вожделенную банку с болгарскими голубцами и полбатона, чтобы съесть это сегодня же. Ой, только бы она не приехала, пока я нахожусь в квартире, в который раз подумалось мне. Впрочем, я все-таки надеюсь, что до выходных тётя все же не приедет.

В моем настоящем времени тётя Аня уже давно на пенсии, живет одна в своем доме в Балашихе. Сын ее живет и работает на севере. Там у него семья. Зовут мать к себе, но она не хочет уезжать так далеко. Вадим добывает нефть. Закончил когда-то институт нефти и газа. Дети к тётю Ане приезжают редко, но деньгами поддерживают очень хорошо. Предлагали ей купить вместо старого дома в Балашихе квартиру в Москве, но тетя не захотела – она привыкла жить в частном доме. Дети помогли отстроить новый дом вместо старого – обветшавшего. А пока, в восемьдесят девятом году, она еще вполне молодая женщина, работает бухгалтером. Вот с мужем, Михаилом, не сложилось. Мужик любит выпить и нигде на работе долго не задерживается. Я уже говорила, что еще немного, и тетя Аня с ним разведется, где-то в году девяносто третьем. Совсем человек лицо потеряет, еще и руку на жену поднимать начнет! Где

он сейчас – я не знаю, тётя говорила, что давно о нем ничего не слышала, как будто уехал куда-то вскоре после развода, да и сгинул – ни разу и весточки не подал и сыном не поинтересовался.

Возле гастронома два грузчика выносили к поставленному у стены столу с весами, ящики с бананами. Толпа давно выстроилась в очередь и нетерпеливо гудела. Продавщица высоким голосом подгоняла грузчиков. Я заметила, что бананы в ящиках совсем зеленые. Вспомнила, как дозревала в темноте шкафа такая вот зелень до съедобного состояния. Ох и вкусные же были те бананы! Сейчас-то они есть в любом магазине, только и покупаются они редко, полно всего другого. А тогда, ухватить связку–другую тропической радости, считалось удачей, впрочем, как и мандарины купить, килограмма два–три, сколько дадут. Мандарины продавали в основном зимой. У меня они почему-то с детства ассоциируются с Новым годом. Особенно мандариновый запах. Становиться за бананами в очередь я не стала, совсем не до них теперь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.